

«Замечательная литература. Мне нравится эта книга».
Стивен Кинг

ШИММЕР

ГОЛОД

МАЙКЛ ГРАНТ

Исчезновение

Майкл Грант

Голод

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(4Coe)-44

Грант М.

Голод / М. Грант — «Издательство АСТ»,
2009 — (Исчезновение)

Прошло три месяца, как пропали все взрослые. Исчезли. Запасы еды кончились несколько недель назад и голод неизбежен. В то же время нарастает недовольство обычных подростков детьми с суперспособностями. И когда происходит немыслимая трагедия, хаос накрывает город: больше нет правых и виноватых. Каждый ребенок – сам за себя и даже хорошие становятся плохими. Но появляется более серьезная проблема – зловещее существо начинает оказывать влияние на некоторых подростков. Зовя их, направляя их, манипулируя ими. Тьма пробудилась. И она голодна.

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(4Coe)-44

© Грант М., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Майкл Грант

Голод

Michael Grant
HUNGER

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers and Synopsis Literary Agency

© 2009 by Michael Grant

© А. Третьякова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается

Кэтрин, Джейку и Джулии.

– НЕ ГАСИ СВЕТ, – сказал Кейн.

Поддерживать свет Сэм мог. Это было в его силах. Свет.

Его сердце колотилось словно ржавый, умирающий двигатель, готовый вот-вот разлететься на части. Тело будто превратилось в раскалённое железо, горячее, жёсткое, пошевелиться было невозможно.

И эта боль...

Злобным тигром она вгрызалась в него, с каждым шагом разрывала разум на куски, кромсала остатки самообладания. Сэм не сможет так жить. Это слишком ужасно.

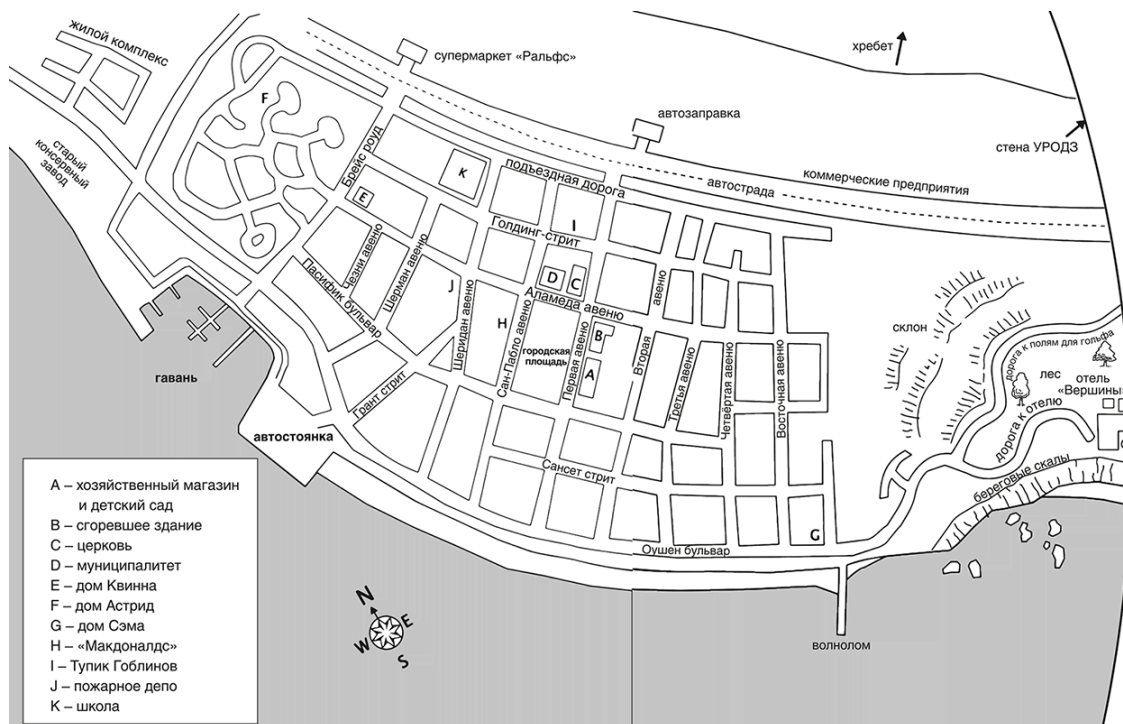
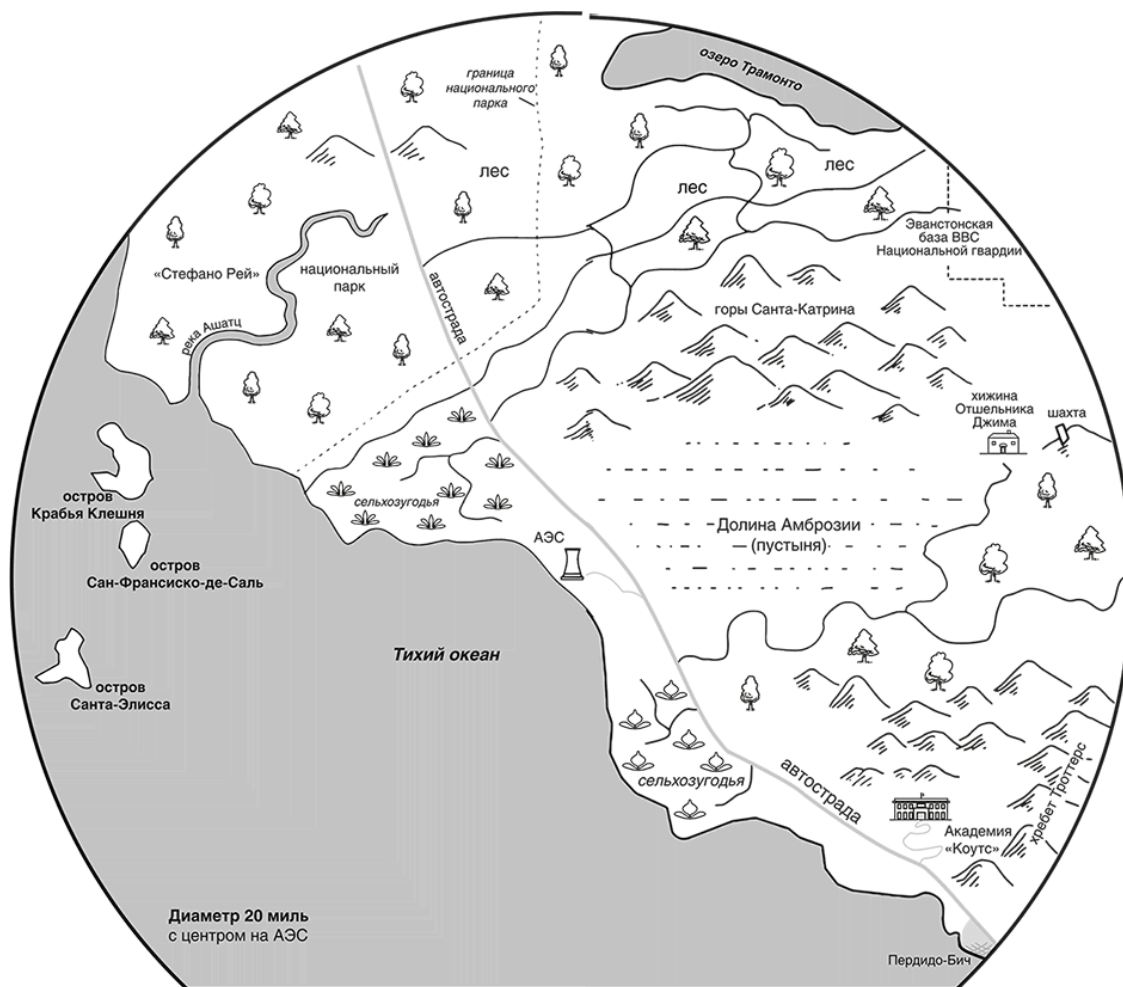
– Ну же, Сэм, – сказал Дак ему на ухо.

– А-а-а-а-а! – закричал Сэм.

– Называется: подкрались незаметно, – проговорил Кейн.

«Мрак знает, что мы здесь», – подумал Сэм. К нему не подкрасться. От него не спрятаться. Его не перехитрить. Он знает. Сэм это чувствовал. В его мозг словно вонзались холодные пальцы, пытались проникнуть внутрь, найти лазейку.

«Это ад, – подумал Сэм. – Это ад».

Глава 1

106 часов, 29 минут

Сэм Тэмпл балансировал на доске. Вокруг белой пеной вздымались волны. Видит бог, это были стремительные, ревушие, клокочущие, солёные волны.

И Сэм был в море, примерно в сотне футов от берега – идеальное место, чтобы поймать волну. Он лежал на животе, погрузив в воду ладони и ступни, почти онемевшие от холода, пока его обтянутая гидрокостюмом спина едва не дымилась под палящим солнцем.

Квинн тоже был там, лениво развалился рядом с Сэмом, поджидая волну покруче, которая подхватит их, поднимет в воздух и унесёт в сторону берега.

И тут Сэм резко проснулся, закашлявшись от пыли.

Моргая, он оглядел высохшую безжизненную местность. Инстинктивно посмотрел на юго-запад, в сторону океана. Отсюда его было не разглядеть. И волны давно остались в прошлом.

Сэм всерьёз готов был продать душу, лишь бы ещё хоть разок увидеть живую волну.

Тыльной стороной ладони он вытер пот со лба. Солнце жарило, как паяльная лампа, хотя было ещё рано. Поспать удалось совсем мало. Слишком много дел. Дела. Никакого от них спасения.

Жара, звук работающего двигателя и ритмичные толчки джипа, ползущего по пыльной дороге, словно сговорились заставить веки Сэма снова слипаться. Он крепко, с силой зажмурился, а затем широко раскрыл глаза, твёрдо решив не дать себе снова уснуть.

Сон никак не отпускал его. Воспоминания дразнили. Было бы куда проще переносить всё это, уверял себя Сэм – и вечный страх, и постоянно увеличивающуюся ношу повседневных мелочей, и ответственность, – если бы волны остались. Но их не было вот уже три месяца. Ни единой волны, только рябь на воде.

Три месяца прошло с момента возникновения УРОДЗ, а Сэм так и не научился водить машину. Обучение вождению стало бы очередным делом, ещё одной проблемой, ещё одной занозой в заднице. Поэтому джипом управлял Эдилио Эскобар, а Сэм сидел на пассажирском сидении. Сзади напряжённо молчал Альберт Хиллсборо. Рядом с ним, подпевая айподу, устроился парень по имени Е. З.

Сэм взъерошил волосы, а они уже прилично отросли. Он не стригся больше трёх месяцев. На ладони осталась грязь и комки пыли. К счастью, электричество в Пердидо-Бич никуда не исчезло, а значит, со светом и, что ещё важнее, с горячей водой, проблем не возникало. Раз уж о сёрфинге мечтать бессмысленно, можно хотя бы предвкушать, как, возвратившись, он будет долго стоять под горячим душем.

Душ. Может быть, пара минут наедине с Астрид, только вдвоём. Обед. Ладно, обед – это сильно сказано. Липкую дрянь из жестянки вряд ли можно назвать обедом. На завтрак он проглотил банку консервированной капусты.

Удивительно, чего только не запихнёшь в глотку, если как следует проголодаешься. А Сэм, как и все остальные в УРОДЗ, испытывал голод.

Сэм закрыл глаза, но теперь хотелось уже не спать, а представлять себе лицо Астрид.

Это был единственный плюс. Он лишился матери, любимых развлечений, личного времени, свободы и всего мира, каким он знал его прежде... зато у него появилась Астрид.

До УРОДЗ она всегда казалась ему недоступной. Теперь, когда они стали парой, это казалось само собой разумеющимся. Но иногда Сэм задумывался: решился бы он на что-то большее, нежели мечтательный взгляд издалека, если бы не УРОДЗ?

Эдилио попросил небольшую передышку. Дорога впереди была вся изрыта. Кто-то долбил ямы в грунтовке, и теперь всю дорогу изрезали ломанные шрамы.

Эдилио показал на трактор с прикрученным к нему плугом. Трактор лежал на боку посреди поля. В день зарождения УРОДЗ фермеры исчезли, как и все прочие взрослые, но трактор продолжал работать, вспахивая дорогу, пока не въехал на соседнее поле и не перевернулся, угодив колесом в оросительную канаву.

Эдилио пустил джип через колеи, сперва потихоньку, затем постепенно набирая скорость.

Слева и справа от дороги почти ничего не осталось, только грязь, коричневато-жёлтые поля да пятнышки выпцветшей травы под одиноко стоящими деревьями. Но впереди виднелась зелень, много зелени.

Сэм повернулся к Альберту.

– Расскажи-ка ещё раз, что там такое?

– Капуста, – ответил Альберт. Узкоплечий, застенчивый восьмиклассник Альберт носил отутюженные штаны цвета хаки, бледно-голубую футболку-поло и коричневые лоферы – люди постарше называли бы его стиль «повседневно-деловым». Раньше на этого парнишку никто не обращал особого внимания: всего лишь один из афроамериканских учеников школы Пердидо-Бич. Но теперь внимания Альберту досталось сполна: он заново открыл городской «Мак-Дональдс» и возглавил его. По крайней мере, руководил им до тех пор, пока запасы бургеров, картошки-фри и куриных наггетсов не иссякли.

Даже кетчуп. Не осталось и его.

От одной мысли о гамбургерах в животе у Сэма заурчало.

– Капуста? – переспросил он.

Альберт кивком указал на Эдилио.

– Так он сказал. Это ведь он наткнулся на неё вчера.

– Капуста? – повторил Сэм, на этот раз обращаясь к Эдилио.

– От неё пучит, – подмигнул тот. – Но выбирать нам не приходится.

– Думаю, от капустного салата никто бы не отказался, – сказал Сэм. – Честно говоря, я бы сейчас с удовольствием навернул капусты.

– А знаешь, что я ел на завтрак? – спросил Эдилио. – Консервированный суккоташ.

– Что ещё за суккоташ? – спросил Сэм.

– Лимская фасоль с кукурузой. Вперемешку. – Эдилио притормозил у края поля. – Это вам не яйца с сосисками.

– Это что-то типа традиционного гондурасского завтрака? – спросил Сэм.

Эдилио фыркнул.

– Чувак, традиционный гондурасский завтрак для бедных – это кукурузная лепёшка с остатками бобов, а если повезёт, то ещё и банан в придачу. А если не повезёт, жуй пустую лепёшку. – Он заглушил двигатель и поставил машину на ручник. – Голодать мне не впервой.

Ещё в джипе Сэм поднялся на ноги и потянулся, прежде чем спрыгнуть на землю. Он был атлетически сложен от природы, но вовсе не выглядел угрожающе. В его каштановых волосах мелькали золотистые отблески, глаза были голубыми, а мягкий ровный загар покрывал кожу. Да, ростом он был чуть выше остальных и, быть может, в лучшей форме, чем другие, но не настолько, чтобы пророчить ему великое будущее в Национальной футбольной лиге.

Сэм Темпл был одним из самых старших детей в УРОДЗ. Ему исполнилось пятнадцать.

– Эй, похоже на салат латук, – сказал Е. З., аккуратно наматывая наушники на айпод.

– Если бы, – мрачно отозвался Сэм. – Пока у нас есть авокадо, и это неплохо, да ещё канталупы¹, что уже замечательно. Но в основном попадают сплошь брокколи да артишоки. Море артишоков. А теперь вот капуста.

– Мы могли бы со временем вернуть в рацион апельсины, – сказал Эдилио. – Сами-то деревья, кажется, в порядке. Просто фрукты перезрели: никто их не собрал, вот они и сгнили.

– Астрид говорит, они поспели совсем не вовремя, – сказал Сэм. – Это ненормально.

– Как любит говорить Квинн, нормой тут у нас и не пахнет, – ответил Эдилио.

– И кто станет всё это собирать? – поинтересовался Сэм вслух. Астрид назвала бы такой вопрос риторическим.

Альберт хотел было что-то сказать, но осёкся, когда заговорил Е. З.

– Слушайте, я сам прямо сейчас пойду и добуду один кочан. Умираю с голоду. – Он размотал наушники и снова воткнул их в уши.

Капустные грядки начинались примерно в футе от них, расстояние между грядками составляло два фута. Почва в промежутках выглядела сухой и растрескавшейся. Кочаны капусты напоминали скорее комнатные растения с толстыми листьями, нежели нечто съедобное.

Само поле было похоже на дюжину других, которые Сэм осмотрел во время этой поездки по фермам.

Нет, мысленно поправил себя Сэм, что-то с этим полем всё же было иначе. Он не мог понять, что именно, но чем-то оно отличалось от других. Сэм нахмурился и попытался проанализировать свои ощущения, понять, почему ему кажется, будто что-то тут... не так.

Быть может, дело в тишине.

Сэм отхлебнул воды из бутылки. Он слышал, как Альберт, заслонившись ладонью от солнца, полушёпотом считает ряды и умножает на количество грядок.

– Считай, поле размером с бейсбольный стадион, каждый кочан весит, допустим, полтора фунта, так? Думаю, в нашем распоряжении где-то тридцать тысяч фунтов капусты.

– Даже думать не хочу, сколько это будет в переводе на пердёж, – крикнул Е. З. через плечо, уверенно шагая к полю.

Е. З. учился в шестом классе, но выглядел старше своих лет. Высокий для своего возраста и слегка полноватый. Тонкие светло-русые волосы свисали до самых плеч. На мальчишке была футболка с логотипом Канкунского «Хард-рок кафе». Имя Е. З. очень ему подходило, для этого парня всё вокруг было «естественно» и «зашибись»: он легко ладил с людьми, легко придумывал шутки, легко мог рассмеяться и всегда и во всём находил что-то весёлое. Е. З. остановился где-то около двадцатой грядки и сказал:

– Нормальная капуста, как по мне.

– Как ты определил? – крикнул ему Эдилио.

Е. З. вытащил один наушник, и Эдилио повторил вопрос.

– Я уже устал бродить. По-моему, капуста как капуста. Как её собирают?

Эдилио пожал плечами.

– Думаю, парень, без ножа никак.

– Не-е.

Е. З. снова сунул наушник в ухо, наклонился и попытался выдернуть кочан. В руках у него остался целый пучок листьев.

– О том я и толкую, – заметил Эдилио.

– А где все птицы? – спросил Сэм, сообразив наконец-то, что же его беспокоит.

– Какие ещё птицы? – спросил Эдилио. Затем кивнул. – Да, чувак, ты прав, над остальными полями летали чайки. Особенно по утрам.

¹ Разновидность дыни (здесь и далее – прим. пер.)

Чаяк в Пердидо-бич было полно. Раньше они выживали, питаясь оставленной рыбаками приманкой и копались возле мусорных контейнеров в поисках объедков. Но в УРОДЗ никаких объедков не бывало. Прошли те времена. И тогда предприимчивые чайки отправились в поля, чтобы соперничать за еду с голубями и воронами. Это была одна из причин, по которой множество найденной ребятами еды оказывалось никуда негодным.

– Может, капуста им не по вкусу, – предположил Альберт. Он вздохнул. – Хотя, кто вообще её любит.

Е. З. опустил на корточках возле кочана, потёр руки в предвкушении и ухватился за низ кочана, как бы обнимая его. Но вдруг он плюхнулся на ягодицы и заорал:

– Ай!

– Не так-то просто, да? – поддразнил его Эдилио.

– Ай! Ай! – Е. З. вскочил на ноги. Правой рукой он придерживал левую, не отводя от неё взгляда. – Нет-нет-нет!

Поначалу Сэм почти его не слушал. Его мысли витали где-то далеко, он думал, куда подевались птицы, но ужас в голосе Е. З. заставил его резко повернуть голову.

– В чём дело?

– Меня кто-то укусил! – воскликнул Е. З. – Господи, больно-то как!

Е. З. испустил жуткий крик. Начавшийся на низкой, утробной ноте, его вой быстро сорвался на истерический визг. Сэм увидел чёрное пятно на его штанине, похожее на вопросительный знак.

– Змея! – он посмотрел на Эдилио.

Рука Е. З. изогнулась в судороге и задёргалась, словно её изо всех сил тряс невидимый великан. Мальчик вновь завизжал и забился, как в припадке.

– Нога! Оно цапнуло меня за ногу!

Сэм застыл, точно вкопанный. Заминка продлилась всего несколько секунд, хотя позже ему казалось, что он мешкал очень долго. Непозволительно долго.

Потом Сэм прыгнул вперёд, к Е. З., но Эдилио подставил ему подножку.

– Ты чего? – возмутился Сэм, пытаясь встать.

– Ты только посмотри! Посмотри на это! – прошептал Эдилио.

Капустные грядки начинались в нескольких футах от них. Земля там двигалась, будто живая. Черви. В земле копошились черви, длинные, почти как змеи. Десятки, если не сотни, ползли к Е. З., в чьих визгах звучало уже не изумление, но агония.

Сэм поднялся на ноги, однако не решился приблизиться к краю поля. Черви, в свою очередь, не покидали перекопанной земли. Они, похоже, находились только со стороны поля.

Е. З. повернулся и двинулся к Сэму судорожной походкой человека, схватившегося за электрический кабель, или марионетки с перепутавшимися ниточками. Когда он подошёл совсем близко, почти что рукой подать, Сэм увидел, как из его шеи, прорвав кожу, выглянул червь.

Они полезли отовсюду: из щёк, из ушей...

Е. З. перестал кричать и осел на землю, неуклюже подвернув ноги.

– Помоги, – прошептал он, умоляюще глядя на Сэма.

Затем его глаза помутнели и сделались пустыми.

Вокруг стало тихо. Лишь мерно, в унисон чавкали сотни крошечных пастей.

Из рта Е. З. выполз червь. Сэм вскинул руки.

– Нет! – крикнул Альберт. – Парень мёртв, Сэм. Он мёртв.

– Альберт прав, старик. Не надо их жечь. Не зли их, пусть сидят на своём поле, – прошептал Эдилио, с силой сжимая плечо Сэма, словно боялся, что Сэм вырвется и убежит.

– И тело тоже не трогай, – Эдилио всхлипнул. – *Perdoneme*, прости, Господи, но тело лучше не трогать.

Чёрные черви уже копошились в трупЕ. З., как муравьи в дохлом жуке. Сэму показалось, что прошла бездна времени, прежде чем твари убралась в свои норы.

То, что осталось лежать на поле, мало походило на человеческое тело.

– Вот верёвка, – сказал Альберт, отходя от джипа, и попытался сделать лассо, но его руки так тряслись, что пришлось передать верёвку Эдилио.

Тот связал петлю и с седьмой попытки набросил её на то, что осталось от правой ноги Е. З. Втроем они вытянули труп с поля.

Один запоздавший червь вывалился из месива и пополз обратно к капустным грядкам. Сэм схватил камень размером с апельсин, размахнулся и опустил на червя. Тот замер.

– Я вернусь сюда с лопатой, – сказал Эдилио. – Мы не можем забрать Е. З. в город, чувак. У него двое младших братьев, нельзя, чтобы они увидели такое. Похороним его здесь. Если эта пакость расползётся...

– Если они расползутся по другим полям, нас ждёт голод, – закончил за него Альберт.

Сэма затошнило. От Е. З. остались почти дочи́ста обглоданные кости. Со дня возникновения УРОДЗ Сэм повидал немало жуткого, но ничего настолько отвратительного ему пока не встречалось. Он вытер вспотевшие ладони о джинсы. Ужасно хотелось отомстить, найти повод спалить поле дотла вместе с чёртовыми червями.

Однако на поле росла еда.

Сэм опустил на колени рядом с останками.

– Ты был хорошим парнем, Е. З. Прости... прости меня.

Внезапно из айпода Е. З. донеслась негромкая музыка. Сэм поднял блестящий плеер, ткнул в иконку паузы, поднялся на ноги и пинком отшвырнул дохлого червя со своего пути. Затем поднял руки. Со стороны могло показаться, что он собирается благословить покойного, но Альберт и Эдилио благоразумно отпрянули.

С ладоней Сэма полился ослепительный свет.

Останки почернели, съёжились. Громко затрещали, лопааясь от жара, кости. Когда Сэм опустил руки, перед ним лежала кучка тёмно-серого пепла, вроде того, что остаётся на заднем дворе после барбекю.

– Ты ничем не мог ему помочь, Сэм, – проговорил Эдилио, мгновенно почувствовав, что творится у друга на сердце. – Это УРОДЗ, старина. Просто УРОДЗ.

Глава 2

106 часов, 16 минут

КРЫША сильно покосилась. Луч ослепительно яркого солнца проникал сквозь щель между осыпающейся стеной и проседающей крышей и бил Кейну прямо в глаз.

Кейн лежал на спине, подушка без наволочки насквозь промокла от пота. Влажная простыня опутывала голые ноги, наполовину прикрывая его обнажённый торс. Он снова не спал – по крайней мере, так ему казалось. Он верил в это.

Надеялся.

Спал он не в своей постели. Эта кровать раньше принадлежала Моузу, старику-смотрителю «Академии Коутс».

Конечно, Моуз исчез. Пропал вместе со всеми остальными взрослыми. И с детьми постарше. Все... почти все... кому было больше четырнадцати. Они исчезли.

Куда?

Никто не знает.

Просто исчезли. Оказались за чертой. За чертой огромного аквариума под названием УРОДЗ. Может быть, умерли. Может быть, нет. Но их определённо не стало.

Диана пинком распахнула дверь. В руках она несла поднос, на котором покачивались бутылка воды и банка консервированных бобов марки «Гойя».

– Ты в себе? – спросила Диана.

Он не ответил. Просто не понял вопроса.

– Всё нормально? – с раздражением спросила она и водрузила поднос на столик возле кровати.

Кейн не стал утруждать себя ответом и сел. При этом голова у него закружилась. Он потянулся за водой.

– Почему у нас крыша разваливается? А если дождь пойдёт? – Кейн удивился, услышав собственный голос. Хриплый. В голосе не осталось ни намёка на былую убедительность и плавность.

Диана была безжалостна.

– Ты что, теперь не только чокнутый, но ещё и тупой?

В голове возникли смутные воспоминания, от которых ему стало не по себе.

– Я что-то натворил?

– Ты сорвал крышу.

Кейн повернул руки и посмотрел на свои ладони.

– Правда?

– Очередной кошмар, – сказала Диана.

Кейн отвинтил крышку с бутылки и отпил.

– Теперь вспомнил. Мне казалось, что крыша меня раздавит. Казалось, будто кто-то вот-вот наступит на дом и раздавит его, а меня расплющит под обломками. Вот я и пытался сдерживать крышу.

– Угу. Ешь бобы.

– Не люблю бобы.

– А кто их любит? – парировала Диана. – Здесь тебе не «Эплбизз»². А я не официантка. Выбора у нас нет. Так что ешь бобы. Тебе нужно питаться.

Кейн нахмурился.

² Американская сеть ресторанов.

– Как долго я пробыл в таком состоянии?

– В каком? – поддразнила его Диана. – В состоянии психически больного, неспособного отличить реальность ото сна?

Он кивнул. От запаха бобов тошнило. Но он вдруг ощутил сильный голод. Теперь он вспомнил: запасы еды подошли к концу. Память возвращалась. Безумное наваждение блекло. Кейн ещё не до конца оправился, но уже что-то понимал.

– Три месяца, плюс-минус неделя, – сказала Диана. – У нас была большая перестрелка в Пердидо-Бич. Потом ты ушёл в пустыню вместе с Вожаком и отсутствовал три дня. А вернулся бледный, обезвоженный и... в общем, вот такой, какой ты сейчас.

– Вожак. – Одно лишь это имя и воспоминание о существе, которому оно принадлежало, заставило Кейна содрогнуться. Вожак, предводитель койотов, тот, кто каким-то образом обрёл хоть и ограниченный, но дар речи. Вожак, верный и преданный слуга... этого. Этого. Существа в шахте.

Они называли это существо Мраком.

Кейн покачнулся и едва не упал с кровати, но Диана вовремя поймала его, схватила за плечи и удержала. Тут же она увидела его предостерегающий взгляд, выругалась вполголоса и успела подставить мусорное ведро, прежде чем его вырвало.

Рвоты оказалось совсем немного. Чуть-чуть желтоватой жидкости.

– Мило, – сказала девушка и скривила губы. – Я тут подумала и решила: не ешь-ка ты лучше никаких бобов. Не хочу видеть, как они полезут обратно.

Кейн прополоскал рот водой.

– Почему мы здесь? Это же домик Моуза.

– Потому что ты слишком опасен. Никто в «Коутс» не хочет тебя видеть, пока ты не возьмёшь себя в руки.

Кейн моргнул, когда очередное воспоминание вернулось к нему.

– Я причинил кому-то боль.

– Ты принял Пузана за монстра. Кричал что-то. Повторял слово «геяфаг». Потом швырнул Пузана в стену.

– Он в порядке?

– Кейн. Только в кино человек может пролететь сквозь стену и подняться на ноги, как ни в чём не бывало. Но мы не в кино. Стена была кирпичная. Пузана словно машина переехала. Представь сбитого енота, которого давят колёсами раз за разом на протяжении нескольких дней.

Слишком грубо получилось, даже для Дианы. Сжав зубы, она сказала:

– Прости. Нельзя было так говорить. Пузан мне никогда не нравился, но это просто не выходит у меня из головы, понимаешь?

– Я был вроде как не в себе, – сказал Кейн.

Диана сердито утёрла слезу.

– Ответ на один вопрос: ты знаешь, что такое «преуменьшение»?

– Думаю, мне уже лучше, – продолжал Кейн. – Пусть я ещё не совсем пришёл в норму. Не до конца. Но уже лучше.

– Счастье-то какое, – съязвила Диана.

Впервые за последние несколько недель Кейн разглядел её лицо. Она была красива, Диана Ладрис: огромные тёмные глаза, длинные каштановые волосы и губы, с которых не сходила самодовольная улыбка.

– С тобой могло произойти то же, что и с Пузаном, – сказал Кейн. – Но ты всё равно заботилась обо мне.

Диана пожала плечами.

– Новый мир жесток. У меня был выбор: держаться поближе к тебе или попытаться счастья с Дрейком.

– Дрейк. – Это имя вызвало тёмные ассоциации. Что это, сон или реальность? – Что там с Дрейком?

– Изображает Кейна-младшего. Якобы замещает тебя. Как по мне, так он втайне надеется, что ты умрёшь. Пару дней назад совершил набег на магазин и украл немного еды. Это сделало его почти популярным. Дети не отличаются критическим мышлением, когда приходится голодать.

– А мой брат?

– Сэм?

– А что, у меня есть другие давно потерянные братья?

– Клоп пару раз навещался в город, чтобы оценить обстановку. Он говорит, что еда у них ещё осталась, но народ уже начал волноваться. Особенно после налёта Дрейка. Но всем там заправляет Сэм.

– Дай-ка мои штаны, – сказал Кейн.

Диана выполнила просьбу Кейна и демонстративно отвернулась, когда тот начал одеваться.

– Какую защиту они выстроили? – спросил Кейн.

– Продуктовый магазин теперь охраняют по всему периметру, это главное. На крыше «Ральфс» постоянно дежурят четверо вооружённых ребят.

Кейн кивнул и прикусил ноготь на большом пальце: старая привычка.

– А что с уродами?

– У них Декка, Брианна и Тейлор. Ещё Джек. Может быть, среди них есть ещё полезные уроды, Клоп не знает точно. У них есть Лана, Целительница. А ещё Клоп думает, что среди них есть парень, который может создавать что-то вроде тепловых волн.

– Как Сэм?

– Нет. Сэм – газовая горелка. А тот, другой парень – микроволновка. Он не создаёт никакого видимого огня. Просто твоя голова вдруг закипает, как буррито, которые в «Китчен-эйд» подают на завтрак.

– У людей продолжают проявляться силы, – сказал Кейн. – А что у нас?

Диана пожала плечами.

– Разве кто-то может знать наверняка? Никто не рискнёт признаться Дрейку. В городе мутантов-новичков уважают. А здесь? У нас и убить могут.

– Ну да, – сказал Кейн. – Это была ошибка. Зря мы начали срываться на уродах. Они нам нужны.

– Плюс ко всему, помимо нескольких новых Муродов, у них есть автоматы. И у них по-прежнему есть Сэм, – добавила Диана. – Так что предлагаю не тупить и не пытаться снова вступать с ними в бой. Как тебе идея?

– Муродов?

– Мутантов. Мутанты плюс уроды. Муроды, – Диана пожала плечами. – Муроды, фрики, монстры. Еды у нас не осталось, зато кличек предостаточно.

Футболка Кейна висела на спинке стула. Он протянул к ней руку, пошатнулся и едва не упал. Диана придержала его. Он рассматривал её ладонь на своей руке.

– Ходить я в состоянии.

Он поднял голову и увидел своё отражение в зеркале над комодом. Он с трудом себя узнал. Диана была права: бледный, впалые щёки. Глаза казались слишком крупными для его лица.

– Похоже, тебе и впрямь лучше. Снова ведёшь себя как вспыльчивый придурок.

– Позови сюда Клопа. Клопа и Дрейка. Хочу видеть их обоих.

Диана не сдвинулась с места.

– Ты хоть собираешься рассказать мне, что случилось там, в пустыне, куда вы ходили с Вожаком?

Кейн фыркнул.

– Вряд ли ты захочешь знать.

– Хочу, – настаивала Диана. – Ещё как.

– Важно лишь то, что я вернулся, – сказал Кейн со всей напускной храбростью, на которую был способен.

Диана кивнула. От этого движения волосы, заскользив вперёд, коснулись её идеальной щеки. Глаза девушки влажно блестели. Но на губах по-прежнему застыло выражение отворачивания.

– Что это значит, Кейн? Что за «геяфаг»?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Никогда раньше не слышал этого слова.

Почему он лжёт ей? Почему у неё такое ощущение, что знать это слово опасно?

– Давай, иди за ними, – сказал Кейн, отстраняя её. – Приведи сюда Клопа с Дрейком.

– Зачем ты так торопишься? Почему бы сначала не убедиться, что ты и правда... я хотела сказать, «нормальный», но это значило бы слишком высоко задрать планку.

– Я вернулся, – настойчиво повторил Кейн. – И у меня есть план.

Она посмотрела на него, скептически склонив голову.

– План, говоришь.

– Я должен кое-что сделать, – сказал Кейн и отвёл взгляд. Он сам не понимал – почему, но не мог смотреть Диане в глаза.

– Кейн, не делай этого, – сказала Диана. – Сэм позволил тебе уйти живым. Второй раз он этого не допустит.

– Хочешь, чтобы я заключил с ним сделку? Нашёл компромисс?

– Именно.

– Что ж, именно это я и собираюсь сделать, Диана. Я собираюсь заключить сделку. Но сперва я должен найти то, что можно ему предложить. И кажется, я знаю, что это.

Астрид Эллисон гуляла с Малышом Питом на заросшем травой заднем дворе, когда Сэм принёс ей новости и показал червя. Пит качался. Если точнее, он сидел на качелях, а качала его Астрид. Ему, похоже, нравилось.

Толкать качели было скучно и однообразно, учитывая, что от младшего брата было не дожидаться ни слова, ни радостного возгласа. Пити едва стукнуло пять, и он страдал аутизмом. Говорить он умел, но почти никогда не говорил. Если уж на то пошло, с возникновением УРОДЗ мальчик ещё сильнее замкнулся в себе. Быть может, в этом была и вина сестры: она стала пренебрегать терапией, бросила бесполезные, бессмысленные упражнения, которые якобы помогали аутистам справляться с реальностью.

Разумеется, Малыш Пит создавал для себя собственную реальность. В определённом и очень важном смысле, он создал новую реальность для всех.

Этот задний двор принадлежал не Астрид, этот дом не был её домом. Её дом спалил Дрейк Мервин. Но уж чего-чего, а домов в Пердидо-бич хватало. Большинство из них пустовало. И хотя многие дети остались жить в своих старых домах, другие не могли вынести воспоминаний, которые хранили их прежние спальни и гостиные. Астрид уже со счёта сбилась, сколько раз она видела плачущих детей, вспоминающих, как мама готовила на кухне, как папа стриг лужайку, как старшие братья и сёстры шёлкали каналами телевизора.

Детям было ужасно одиноко. Одиночество, страх и грусть никогда не покидали УРОДЗ. Поэтому дети часто селились вместе, и дома становились похожи на студенческие общежития.

Вместе с Астрид жили Мэри Террафино со своим младшим братом Джоном; всё чаще и чаще с ними оставался и Сэм. Официально Сэм жил в свободном офисе в здании муниципалитета – в мэрии, спал на диванчике, готовил еду в микроволновке и пользовался бывшей общественной уборной. Но это было очень мрачное место, и Астрид не раз просила его считать её дом своим. В конце концов, они практически семья. И, что как минимум символично, они стали первой, в своём роде, семьёй в УРОДЗ: заменили маму и папу детям, оставшимся без родителей.

Астрид услышала приближение Сэма ещё до того, как он появился в дверях. Перидо-Бич всегда был маленьким тихим городком, а теперь здесь почти всегда стояла тишина, как в церкви. Сэм сам вошёл в дом и, переходя из комнаты в комнату, звал её по имени.

– Сэм! – крикнула она. Но Сэм не услышал, пока не открыл заднюю дверь и не ступил на дощатую веранду.

Хватило одного взгляда, чтобы понять – произошло что-то ужасное. Сэм не умел скрывать свои чувства, по крайней мере, от Астрид.

– Что такое? – спросила она.

Вместо ответа он прошагал по неаккуратному, заросшему сорняками газону и обнял её. Астрид терпеливо обняла его тоже, зная, что он всё ей расскажет, как только сможет.

Сэм зарылся лицом в её волосы. Она чувствовала его дыхание на своей шее, в ухе защекотало. Ей нравилось чувствовать, как он прижимается к ней своим телом. Ей было приятно осознание, что ему необходимо обнимать её. Но в этом объятии не ощущалось ни доли романтики.

Наконец, Сэм её отпустил. И подошёл к качелям, чтобы покачать Малыша Пита: кажется, ему нужна была физическая нагрузка.

– Е. З. мёртв, – сказал он безо всяких предисловий. – Я объезжал поля вместе с Эдилио. Я, Эдилио, Альберт и Е. З., мы взяли его, чтобы было веселее. Понимаешь. Е. З. поехал с нами просто так, без причины, он просто попросился с нами, и я разрешил, потому что мне казалось, что я постоянно говорю всем только нет, нет, нет, а теперь он мёртв.

Сэм толкнул качели сильнее, чем Астрид. Малыш Пит чуть не упал на спину.

– О, боже. Как это произошло?

– Черви, – мрачно ответил Сэм. – Что-то вроде червей. Или змеи. Я не знаю. Я принёс одну мёртвую особь, там, на кухне. Я надеялся, что ты сможешь... сам не знаю, на что я надеялся. Ты у нас вроде как эксперт по мутациям, да?

На фразе про «эксперта» его губы скривились в кислой улыбке. Никакой Астрид не эксперт. Просто она была единственным человеком, которому не всё равно, что же происходит в УРОДЗ с научной точки зрения.

– Продолжай его качать, и всё будет в порядке, – сказала Астрид, кивая на брата.

Существо лежало в пакете на кухонной стойке. Больше было похоже на змею, чем на червя, но и змея эта не выглядела нормальной.

Астрид осторожно надавила на пакет, надеясь, что существо и правда мертво. Она растелила на гранитной столешнице вощёную бумагу и вытряхнула на неё червя. Затем, покопавшись в одном из ящиков, достала измерительную ленту и постаралась как можно точнее измерить длину существа.

– Одиннадцать дюймов, – отметила она.

Затем взяла камеру и сделала дюжину снимков со всех ракурсов, прежде чем подцепить уродливую тварь вилкой и сунуть обратно в пакет.

Астрид скинула фотографии на ноутбук. Затем перетащила их в папку «Мутации – фото». Там были уже десятки файлов. Птицы со странными когтями или клювами. Змеи с маленькими крыльями. Дальше шли фотографии змей покрупнее с большими крыльями. На

одном из фото, снятом издалека, была гремучая змея размером с небольшого питона с крыльями размахом не меньше, чем у орлана.

Был там и размытый снимок койота размером вдвое больше обычного. Фото пасти мёртвого койота вблизи, на котором виднелся необычно короткий язык, до ужаса напоминающий человеческий. Ещё серия фото в формате JPEG: изображения кота, застрявшего в книге.

На других снимках были изображены дети, большинство из них выглядели вполне обычно, не считая парня по кличке Орк, который всем своим видом напоминал чудовище. Имелось среди них и фото Сэма, из ладоней которого струился голубой свет. Астрид терпеть не могла это фото, потому что Сэм сделал очень грустное лицо: ему не нравилось демонстрировать свою силу на камеру.

Девушка кликнула на фото червя и увеличила изображение, чтобы рассмотреть поближе.

На кухню вошёл Малыш Пит, а вслед за ним Сэм.

– Глянь на его рот, – потрясённо сказала Астрид. Рот у червя был похож на акулий. В нём виднелись сотни крохотных зубов, не пересчитать. Червь словно улыбался, даже мёртвый он улыбался. – У червей не бывает зубов, – сказала Астрид.

– Раньше не было. Теперь есть, – поправил её Сэм.

– Видишь эти штуки, которые торчат из его кожи по всему телу? – Астрид прищурилась и сильнее увеличила изображение. – Это что-то вроде... не знаю, микроскопических двигательных перепонок. Как ноги, только крохотные, и их тысячи.

– Они помогли ему проникнуть внутрь Е. З. По-моему, прямо сквозь его ладони. Сквозь подошвы обуви. Сквозь его тело.

Астрид пожала плечами.

– Такие зубы прогрызут что угодно. А ноги протолкнут внутрь жертвы.

– На том поле их тысячи, – сказал Сэм. – Е. З. пошёл вглубь, и они напали. А мы с Альбертом и Эдилио стояли поодаль, мы не вошли на поле, и черви не поползли на нас.

– Территориальность? – Астрид нахмурилась. – Очень необычно для примитивных животных. Территориальность как правило ассоциируется с более развитыми формами жизни. Кошки и собаки защищают свою территорию. Но не черви.

– Ты как-то очень спокойно обо всём этом рассуждаешь, – сказал Сэм. Ещё чуть-чуть, и в его голосе прозвучал бы упрёк.

Астрид посмотрела на него, протянула руку и отвернула его голову от ужасных изображений, заставив вместо этого посмотреть на себя.

– Ты же пришёл ко мне не затем, чтобы я заорала и убежала, а ты бы почувствовал себя смелым и стал меня утешать?

– Нет, – признался Сэм. – Прости. Ты права: я пришёл не к своей девушке Астрид. Я пришёл к Астрид-Гению.

Астрид всегда недолюбливала это прозвище, но смирилась с ним. Оно отводило ей особое место в таком растерянном и напуганном сообществе, как УРОЗД. В отличие от Брианны, Декки или Сэма, она не обладала огромной силой. Зато она была блестяще умна и способна рассуждать логически, когда это необходимо.

– Я хочу вскрыть его, может быть, узнаю что-то ещё. Можно?

– Конечно. Почему нет? Сегодня утром я был в ответе за триста тридцать двух человек. Теперь остался триста тридцать один. И где-то глубоко внутри у меня мелькает мысль: это даже хорошо, на один рот меньше.

Астрид придвинулась к нему и легко коснулась губ поцелуем.

– Да, хреново быть тобой, – сказала она. – Но кроме тебя у нас никого нет.

И в награду получила мрачную улыбку.

– Имеешь в виду, заткнись и живи с этим? – сказал он.

– Нет, не вздумай затыкаться. Рассказывай мне всё. Что угодно.

Сэм опустил голову, не желая встречаться с ней взглядом.

– Всё рассказать? Ладно, как насчёт такого: я сжёл тело Е. З. Спалил то, что эти твари от него оставили.

– Он был мёртв, Сэм. Что ещё ты мог сделать? Оставить на растерзание птицам и кой-отам?

Сэм кивнул.

– Да. Я знаю. Но проблема не в этом. Проблема в том, что, когда Е. З. горел, запахло жареным мясом, и я... – он замолчал, не в силах продолжать. Астрид ждала, пока он совладает с эмоциями. – На моих глазах догорал труп шестиклассника, а у меня слюни потекли.

Астрид с лёгкостью могла себе это представить. От одной мысли о жареном мясе её рот тоже наполнился слюной.

– Это нормальная физиологическая реакция, Сэм. За неё отвечает та часть мозга, которая работает автоматически.

– Ну да, – неуверенно протянул он.

– Слушай, ты не можешь теперь ходить вечно кислым из-за того, что случилось что-то плохое. Если ты потеряешь надежду, это распространится на всех остальных.

– Дети и без моего участия теряют надежду, – сказал он.

– А ещё ты должен позволить мне тебя постричь, – сказала Астрид, одной рукой притянув его к себе и взъерошив волосы. Она пыталась отвлечь его от утреннего происшествия.

– Что? – внезапная смена темы застала его врасплох.

– Ты выглядишь так, будто сбежал из какой-то старой волосатой группы семидесятых. Кроме того, – продолжала она, – Эдилио мне уже разрешил.

Сэм позволил себе улыбнуться.

– Ага. Я видел. Может быть, поэтому я то и дело называю его Бартом Симпсоном.

Астрид недоумённо посмотрела на Сэма, и тот пояснил:

– Ну, помнишь, такой, с шипастой причёской? – он попытался поцеловать её, но девушка отпрянула.

– Ах, значит, ты у нас такой умный, да? – сказала она. – А что, если я возьму и просто побрею тебя налысо? Или продепилирую горячим воском? Продолжишь надо мной шутить, и тебя станут называть Гомером Симпсоном, а не Бартом. Посмотрим, продолжит ли Тейлор после такого строить тебе глазки.

– Она не строит мне глазки.

– Ага. Конечно, – Астрид наигранно оттолкнула его от себя.

– А вообще, я и с двумя волосинками остался бы красавчиком, – сказал Сэм. Он посмотрел на своё отражение в стеклянной дверце микроволновки.

– Слово «нарцисс» тебе о чём-нибудь говорит? – спросила Астрид.

Сэм рассмеялся. Он хотел было обнять её, но заметил, что Малыш Пит смотрит на них.

– Ладно. Неважно. Как дела у Пити?

Астрид посмотрела на брата, который сидел на высоком стульчике у кухонной стойки и молча глядел на Сэма. Или, быть может, мимо Сэма – она никогда не знала наверняка, на что именно малыш смотрит.

Ей хотелось рассказать Сэму, что происходит с Малышом Питом, что он начал вытворять. Но Сэму и без того сейчас хватало забот. А в этот короткий миг – и это была редкость, – он ни о чём не волновался.

Позже, когда у них будет время, она расскажет, что самый могущественный человек в УРОДЗ, похоже... какое бы слово подобрать, чтобы описать, что происходит с Малышом Питом?

Теряет рассудок? Нет, не совсем.

Подходящего слова не находилось. Но, как бы то ни было, момент не самый подходящий.

– Всё с ним в порядке, – солгала Астрид. – Ты же знаешь Пити.

Глава 3

106 часов, 11 минут

ЛАНА АРВЕН ЛАЗАР сменила уже четыре дома с тех пор, как поселилась в Перидо-Бич. Её первый дом вполне ей нравился. Но именно в нём её поймал Дрейк Мервин. С тех пор ей было неуютно там находиться.

Потом она какое-то время жила с Астрид. Но вскоре поняла, что ей куда комфортнее жить одной, лишь в компании Патрика, её лабрадора-ретривера. Тогда она переселилась в дом возле городской площади. Но там вокруг неё всегда толпилось много людей.

Лана не любила этого. Когда вокруг постоянно кто-то ошивался, она теряла личное пространство.

Лана обладала даром исцеления. Эта способность в ней обнаружилась в день возникновения УРОДЗ, когда исчез её дедушка. В тот момент они ехали в пикапе, когда водитель внезапно исчез, и автомобиль, перевернувшись, покатился вниз с очень длинной насыпи.

Лана получила несовместимые с жизнью травмы. И чуть не погибла. Но затем она обнаружила силу, которая, должно быть, всегда таилась внутри неё, но проявилась лишь в этой ужасной ситуации.

Она исцелила себя. Исцелила Сэма, когда в него стреляли, и Коржика, которому разворотило плечо, а потом ещё кучу ребят, раненных во время ужасной битвы на День благодарения.

Дети стали называть её Целительницей. В УРОДЗ она была второй по значимости героиней после Сэма Темпла. На неё все равнялись. Все её уважали. Некоторые, особенно те, чьи жизни она спасла, относились к ней почти благоговейно. Лана не сомневалась, что как минимум Коржик готов пожертвовать ради неё жизнью. Парень побывал в настоящем аду, пока Лана не помогла ему.

Но хоть дети и превозносили её, они всё же беспрестанно ей докучали, днём и ночью, обращаясь по самым пустяковым поводам: то шатающийся зуб, то обгоревшая на солнце кожа, то разодранные коленки или мозоль на пальце.

Поэтому ей пришлось поселиться подальше от города: теперь она занимала одну из комнат в гостинице «Вершины».

Гостиница упиралась в стену УРОДЗ, прозрачный непреодолимый барьер, ставший границей нового мира.

– Потерпи, Патрик, – сказала Лана, когда пёс принялся подталкивать её головой, выпрашивая завтрак. Она вскрыла жестяную банку корма «Альпо» и, отодвигая Патрика, положила несколько ложек в стоящую на полу миску.

– Вот. Боже, ведёшь себя так, будто я тебя голодом морю.

Сказав это, она задумалась, как долго сможет продолжать кормить Патрика. Теперь собачью еду стали есть и дети. А на улицах бродило полно тощих, как скелеты, псов; собаки копались в мусорных баках бок о бок с детьми – искали объедки, выброшенные неделями ранее.

В «Вершинах» никто, кроме Ланы, не жил. Сотни комнат, заросший водорослями бассейн и теннисный корт, разрезанный барьером. С её балкона отлично просматривался пляж внизу и неестественно спокойный океан.

Сэм, Эдилио, Астрид и Дара Байду – которая выполняла роль фармацевта и медсестры, – были в курсе, где находится Лана, и могли найти её, если она была действительно необходима. Но большинство детей не знали, так что отчасти ей удалось вернуть личное пространство.

Она с тоской смотрела на собачью еду. Уже не в первый раз Лана задумалась: а каково это на вкус? Должно быть, лучше, чем подгоревшие картофельные очистки с соусом барбекю, которыми питалась она сама.

Когда-то в гостинице было полно еды. Но, по распоряжению Сэма, Альберт и его команда всё забрали и перенесли в «Ральфс». Откуда Дрейк сумел стащить немалую часть и без того стремительно убывающих остатков.

Больше в гостинице еды не осталось. Опустили даже мини-бары в номерах, где раньше хватало вкусных батончиков, чипсов и орешков. Осталось только спиртное. Ребята Альберта не тронули выпивку, потому что толком не знали, что с ней делать.

Лана не подходила к этим маленьким коричневым и белым бутылкам. До сих пор.

Именно из-за алкоголя её отправили сюда, подальше от дома в Лас-Вегасе. Она стащила у родителей бутылку водки – вроде как, чтобы передать одному знакомому мальчику постарше.

Впрочем, это была «подчищенная» версия, которую Лана ухитрилась выдать родителям за правду. И всё же они решили отослать её к дедушке на далёкое ранчо, чтобы дочь «хорошенько подумала над своим поведением».

Теперь, в мире УРОДЗ, Лана стала кем-то вроде святой. Но ей было лучше знать.

Патрик доел корм, и кофе как раз сварился. Лана налила себе чашку, добавила подсластителя «Ньютрасвит» и немного сухих сливок – всю эту роскошь она нашла в тележках у горничных.

Вышла на балкон и сделала глоток.

Играла музыка: в комнате работал CD-плеер. Похоже, кто-то из прежних постояльцев забыл в нём старый диск Пола Саймона, и Лана сама не заметила, как заслушалась.

Среди композиций была одна песня о тьме. О её приветливости. Почти приглашение. Она слушала её снова и снова.

Иногда музыка помогала забыть. Но только не эта песня.

Краем глаза Лана заметила кого-то внизу, на пляже. Вернувшись в комнату, она достала бинокль, найденный в чемодане какого-то давно исчезнувшего туриста.

Двое маленьких детей, на вид не старше шести, играли на скалистом пирсе, уходящем в океан. К счастью, прибоя не было. Но камни местами походили на сваленные в кучу бритвенные лезвия, острые и скользкие. Ей следовало бы...

Позже. Хватит с неё ответственности. Лана никогда не была ответственным человеком и устала от ноши, которую на неё ввалили.

По УРОДЗ постепенно распространялись различные «взрослые» пороки. Некоторые безобидные, как, например, пристрастие к кофе. Другие – травка, сигареты, алкоголь, – не были столь безвредными. Лана знала о шестерых детях, ставших закоренелыми алкоголиками. Они пытались заставить её лечить их от похмелья.

Другие без конца курили марихуану, найденную у родителей или в комнатах старших братьев и сестёр. И почти каждый день можно было увидеть, как дети от восьми и старше, кашляя, затягиваются сигаретами, пытаются казаться крутыми. Однажды Лана поймала первоклассника, который пытался зажечь сигару.

Излечить такое Лане было не под силу.

Иногда она мечтала снова оказаться в хижине Отшельника Джима.

Эта мысль приходила ей в голову не один раз. Она часто вспоминала о странной хижине посреди пустыни и необычной зелёной лужайке вокруг неё – теперь, скорее всего, трава потемнела и пожухла.

Именно там Лана нашла убежище после автокатастрофы. А вскоре – снова, на этот раз после нападения стаи койотов.

Сам домик сгорел до основания. От него не осталось ничего, кроме пепла. И золота, разумеется. Даже если золотой запас Отшельника Джима расплавился, золото всё равно осталось там, под досками.

Золото. Из шахты.

Шахта...

Лана сделала большой глоток из пластикового стаканчика и обожгла язык. Боль была нужна, чтобы сконцентрироваться.

Шахта. Тот день хорошо сохранился в её памяти, но не с чёткостью реальных событий, а вроде кошмарного сна.

Тогда она ещё не знала, что с возникновением УРОДЗ все взрослые испарились. И отправилась в шахту в поисках отшельника, надеясь хотя бы найти его автомобиль и добраться на нём до города.

Отшельник нашёлся: его труп лежал у входа в шахту. Джим не исчез, он был мёртв. А это значит, смерть наступила ещё до появления УРОДЗ.

За Ланой пришли койоты и повели её в глубь шахты. И там она обнаружила... это. Нечто. Мрака, так его называли койоты: Мрак.

Она помнила, как её ступни налились тяжестью, словно к ним привязали кирпичи. Как сердце замедлилось и глухо стучало в груди, каждый стук – словно удар кувалды. Ужас, который пробирал гораздо глубже, нежели обычный страх. Тошнотворное зеленоватое свечение, наводящее на мысли о гное, болезнях, опухолях.

Дремота, которая ею овладела... потяжелевшие веки, опустошённый разум и чувство, будто кто-то вторгается в...

Иди ко мне.

– Ай!

Чашка треснула. Горячий кофе залил всю её руку.

Лана вспотела. Дыхание давалось с трудом. Она сделала глубокий вдох, и ей показалось, будто она забыла, как дышать.

Оно всё ещё было в её голове, тот монстр из шахты. Он проник в неё. Иногда девушка отчётливо слышала его голос. Разумеется, это галлюцинации. Никакой не Мрак. Их разделяют мили. Он сидит глубоко под землёй. Он же не может...

Иди ко мне.

– Никак не могу забыть, – прошептала Лана Патрику. – Не могу от этого избавиться.

В первые дни, когда она вернулась из пустыни и присоединилась к этому странному детскому обществу, Лана чувствовала почти умиротворение. Почти. С самого начала у неё оставалось чувство, будто ей нанесён какой-то вред, невидимая рана без определённого местоположения где-то внутри неё.

И теперь эта невидимая, нереальная, незалеченная рана открылась заново. Поначалу она убеждала себя, что это пройдёт. Что рана излечится. Зарастёт коростой. Но если это так, если она излечивалась, почему с каждым днём боль становилась всё сильнее? Как этот ужасный голос из слабого, отдалённого шёпота превратился в настойчивое бормотание?

Иди ко мне. Ты мне нужна.

Теперь можно было различить слова в этом назойливом, требовательном голосе.

– Я схожу с ума, Патрик, – сказала Лана псу. – Оно внутри меня, и я схожу с ума.

* * *

Мэри Террафино проснулась. Перекатившись на бок, слезла с постели. Утро. Ей бы следовало ещё поспать: сил совсем не было. Но она знала, что больше не сможет заснуть. У неё полно дел.

Первым делом Мэри босиком направилась в ванную, чтобы взвеситься на весах, стоящих на кафельной плитке. Для весов отводилось особое место: ровно посередине, напротив зеркала над умывальником, верхний правый угол весов точно совпадает с границей плитки.

Она сняла ночную рубашку и встала на весы.

Первый замер. Шаг на пол.

Второй замер. Шаг на пол.

Третий раз считался официальным.

Восемьдесят один фунт.

В день возникновения УРОДЗ Мэри весила сто двадцать восемь фунтов.

Она по-прежнему считала себя жирной. Жировые складки здесь и там. И неважно, что говорили другие. Мэри видела жир своими глазами. Так что никакого завтрака. Может, это и к лучшему, учитывая, что на завтрак сегодня в детском саду овсяные хлопья на сухом молоке, подслащённые сахарозаменителем из розовых пакетиков. Довольно здоровое питание – и гораздо, гораздо более приличное, чем у большинства ребят, – но явно не стоит того, чтобы толстеть.

Мэри проглотила капсулу «Прозака», две крохотные красные таблетки «Судафед» и мультивитамины. «Прозак», в основном, подавлял депрессию, а «Судафед» помогал справиться с голодом. А мультивитамины, надеялась Мэри, помогли ей оставаться здоровой.

Она быстро оделась: футболка, спортивные брюки, кроссовки. Всё это свободно болталось на ней. Нельзя надевать ничего более обтягивающего, пока лишний вес не уйдёт.

Она отправилась в прачечную и вывалила полную сушилку тканевых подгузников в полиэтиленовый пакет. У неё ещё оставался небольшой запас одноразовых, но их берегли для экстренных ситуаций. Месяц назад в детском саду перешли на многоразовые пелёнки. Это было отвратительно, все возмущались, но Мэри объяснила своим ворчащим помощникам, что новых «памперсов» с фабрики ждать не приходится.

Мэри спустилась вниз, в одиночку волоча мешок с подгузниками.

Сэм, Астрид и Малыш Пит сидели на кухне. Мэри не хотела им мешать и давать возможность уговаривать себя позавтракать, поэтому тихонько прошла ко входной двери.

Спустя пять минут она была уже в садике.

Детский сад сильно пострадал в ходе битвы. Общая с магазином хозяйственных товаров стена была разрушена. Дыру теперь закрывал кусок полиэтилена, который почти каждый день приходилось заново приклеивать на скотч. Это служило напоминанием о том, как они оказались в шаге от катастрофы. Стая койотов сидела в этой самой комнате, а эти дети были заложниками, пока Дрейк Мервин хорохорился и злорадствовал.

Брат Мэри, Джон, уже ждал её в садике.

– Эй, Мэри, – окликнул он её, – почему так рано? Поспала бы подольше.

Джон работал в утреннюю смену, с пяти и до полудня, как раз от завтрака до обеда. Очередь Мэри наступала с обеда и до десяти вечера. Она отвечала за обед, ужин и укладывание спать, а в конце оставался ещё свободный час, чтобы прибраться и составить расписание. Потом она отправлялась домой и смотрела какой-нибудь фильм на DVD, тренируясь на беговой дорожке в подвале. Таким был их режим. Восемь часов отводилось на сон и ещё несколько свободных часов оставалось утром.

Но в действительности она часто тратила два-три часа сна на ночную тренировку. Пыталась сбросить последние несколько лишних фунтов. На беговой дорожке в подвале, где Астрид её не услышит и не станет расспрашивать.

Чаще всего она потребляла менее семисот калорий в день. А иногда, если очень повезёт, обходилась и половиной этого.

Мэри обняла Джона.

– Как дела, братишка? Какие у нас сегодня катастрофы?

У Джона накопился целый список. Он зачитал его из своей записной книжки с баскетбольной командой «Уорриорз» на обложке.

– У Педро выпал зуб. Зося пожаловалась, что Джулия её толкнула, в результате они подрались и отказываются вместе играть. У Колина, по-моему, поднялась температура... он

вообще какой-то такой, хилый, понимаешь. Брэйди утром пыталась сбежать, но я поймал её. Хотела отправиться искать маму.

Список продолжался, а тем временем детишки подбегали к Мэри, чтобы обнять её, получить от неё поцелуй, похвалу за причёску или услышать, какие они «молодцы», что как следует почистили зубы.

Мэри кивала. Подобный список составлялся каждый день.

Мимо прошёл парень по имени Фрэнсис, грубо протиснувшись мимо Мэри. Затем, осознав, кого он только что толкнул плечом, мальчик повернулся и, хмуро глядя на неё, сказал:

– Ладно, я пришёл.

– Первый раз? – спросила Мэри.

– А что, я должен извиняться? Я вам не нянька.

Эта сцена тоже повторялась ежедневно с тех пор, как в Пердидо-Бич воцарился мир.

– Короче, мальчик, дело вот в чём, – начала Мэри. – Я знаю, что ты не хочешь здесь находиться, но мне плевать. Никто не хочет, но о малышах надо заботиться. Так что сделай лицо попроще.

– А чего бы тебе о них не заботиться? Ты по крайней мере девчонка.

– А я – нет, – заметил Джон.

– Видишь этот стенд? На нём висят три списка, по одному для каждого из дежурных помощников. Бери один. И приступай. Сегодня на тебе всё, что в этом списке. И не забывай улыбаться в процессе.

Фрэнсис подошёл к доске и принялся изучать списки.

– Спорим на печенюку, тот список, в котором значится смена подгузников, он ни за что не выберет, – сказал Джон.

– Никаких споров, – сказала Мэри. – К тому же, печенюк у нас нет.

– Я скучаю по печенюке, – с тоской проговорил Джон.

– Эй, – крикнул Фрэнсис, – все эти списки отстой.

– Да, – согласилась Мэри. – Ещё какой.

– Вообще всё здесь отстой.

– Пожалуйста, прекрати говорить слово «отстой». Я не хочу, чтобы трёхлетки повторяли его за тобой целый день.

– Ёлки-палки, когда наступит мой день рождения, я сваливаю, – надулся Фрэнсис.

– Отлично. Я прослежу, чтобы после этого тебя больше не включали в график. А теперь бери список и приступай. Я не хочу заставлять Сэма тратить время на то, чтобы прийти и лично тебя замотивировать.

Фрэнсис побрёл обратно к стенду.

– Собирается покинуть это место, – сказала Мэри Джону и скривилась. – Скольким у нас уже стукнуло пятнадцать? И только двое решились на уход. Все грозятся, что уйдут. Но потом остаются.

УРОДЗ избавлялась от всех, кому было больше четырнадцати лет. Никто не знал, почему. По крайней мере, Мэри не знала, хотя слышала краем уха, как Сэм и Астрид об этом шептались, и теперь ей казалось, что они могут знать больше, просто недоговаривают.

Четырнадцатилетние подростки в день пятнадцатилетия исчезали. Растворялись в воздухе. Если позволяли этому произойти. Если решались «перейти».

Что происходило после так называемого «перехода» – этого не знал никто. В этот момент время для человека словно замедлялось. Тебе является кто-то, кого ты любишь и кому доверяешь, и этот кто-то уговаривает уйти за ним, заставляет покинуть УРОДЗ. А если откажешься, он превратится в монстра.

У тебя есть выбор: или остаться в УРОДЗ, или... но никто не знает, что это за «или». Может быть, вернуться в прежний мир. Или оказаться в совершенно новом месте.

Или умереть.

Мэри заметила, что Джон пристально смотрит на неё.

– Что? – спросила она.

– Но ты же не...

Мэри улыбнулась и потрепала его по рыжим кудряшкам.

– Никогда. – Я ни за что тебя не брошу. Скучаешь по маме с папой?

Джон кивнул.

– Я всё вспоминаю, сколько раз доводил их.

– Джон...

– Знаю. Знаю, что это неважно. Но это словно... – он не смог подобрать слов, поэтому жестом изобразил, будто вонзает нож себе в сердце.

Кто-то сзади потянул Мэри за футболку. Она обернулась и с замиранием сердца увидела мальчика по имени... как же его... Мэри не могла вспомнить, как его зовут. Но она помнила имя второго мальчика, который стоял у него за спиной: Шон. Она знала, зачем эти ребята пришли к ней. Недавно им обоим исполнилось по пять лет. Возрастное ограничение в детском саду было четыре года. В возрасте пяти лет дети должны были переехать – хорошо, если в дом, где жили ответственные дети постарше.

– Привет, ребята. Как дела? – спросила Мэри, присев на корточки, чтобы её лицо оказалось на одном уровне с ними.

– Ну... – протянул первый мальчик. И тут же расплакался.

Не следовало этого делать, она знала, что не следовало, но не смогла удержаться и обняла малыша. Шон тоже заплакал, поэтому объятия пришлось продлить, и Джон присоединился, а Мэри услышала собственный голос: конечно, конечно им можно остаться, только на денёк, совсем ненадолго.

Глава 4

106 часов, 8 минут

«АКАДЕМИЯ КОУТС» ПОСТРАДАЛА от гораздо более сильных разрушений в битвах. Особенно досталось фасаду здания. В белёной кирпичной стене зияла такая огромная дыра, что сквозь неё было целиком видно классную комнату на втором этаже, этаж под ней и неровный проём, который немного не доставал до верха окна на первом этаже. Почти во всех окнах были выбиты стёкла. Дети попытались уберечься от непогоды, заклеив окна скотчем и полиэтиленовой плёнкой, но скотч местами отошёл, и теперь куски полиэтилена висели ключьями и время от времени шелестели на ветру. Здание выглядело так, словно пережило войну. Так оно и было.

Вокруг дома тоже творился хаос. Газон, который в былые времена стригли с чрезмерной тщательностью, теперь местами зарос, а местами пожелтел и высох до состояния сена. Сквозь гравий круглой подъездной дорожки, где когда-то родители парковали свои минивэны и роскошные седаны, тоже пробивались травинки.

В половине здания вышла из строя канализация, туалеты были забиты и протекали. Небольшие пристройки, такие как общежития и художественная студия, были в лучшем состоянии, но Дрейк настоял на том, чтобы остаться в главном здании. Он занял кабинет школьного психолога, место, куда Дрейк раньше регулярно являлся на консультации и тестирования.

Тебе по-прежнему снятся сны о том, как ты мучаешь животных, Дрейк?

Нет, док, мне снится, как я мучаю вас.

Теперь кабинет превратился в оружейную. Девять пушек Дрейка, от охотничьих ружей до пистолетов, были разложены на столе. Почти все были не заряжены – все, кроме двух, которые он носил при себе. Боеприпасы для остальных пушек он убрал подальше: Дрейк не доверял никому. Патроны, которых, по мнению Дрейка, вечно не хватало, лежали в тайниках под потолочными плитками и за вентиляционными решётками.

Дрейк сидел и смотрел DVD-фильм на краденом плазменном телевизоре. На экране показывали «Пилу II». Звуковые эффекты были великолепны. Дрейк выкрутил звук так сильно, что одно из немногих сохранившихся оконных стёкол дребезжало. Поэтому он не сразу услышал голос Дианы:

– Он хочет тебя видеть.

Дрейк обернулся, почувствовав её присутствие. Развернул руку-щупальце, ту самую, благодаря которой он получил своё прозвище – Кнуторукий, – и выключил телевизор.

– Чего тебе? – требовательно спросил Дрейк, нахмурившись.

– Он хочет тебя видеть, – повторила Диана.

Дрейку нравилось видеть страх в её глазах. Крутая Диана: ехидная, саркастичная, высокомерная Диана. Испуганная Диана. Она боялась его и того, что он мог с ней сделать.

– Кто хочет?

– Кейн. Он очнулся.

– Он и раньше был в сознании, – сказал Дрейк.

– Он вернулся. Почти. Вернулся и хочет видеть вас с Клопом.

– Да? Ну ладно, как-нибудь загляну к нему. – Дрейк снова щёлкнул «кнотом» и включил телевизор. – Отлично, я пропустил самое интересное. Где пульт? Без пульта не перемотать.

– Так что, мне сказать Кейну, чтобы он подождал? – спросила Диана невинным тоном. – Без проблем. Пойду и скажу ему, что ты слишком занят, и не можешь зайти к нему.

Дрейк сделал глубокий вдох и пристально посмотрел на неё. Рука-кнут медленно двинулась к девушке, кончик подрагивал в предвкушении, как обернётся вокруг её шеи.

– Ну, вперёд, сделай это, – дразнила его Диана. – Давай, Дрейк. Давай, прояви неповиновение Кейну.

Его холодные глаза едва заметно дрогнули, но он знал, что Диана это заметила, и пришёл в ярость.

Не сегодня. Ещё рано. Сперва Кейн должен разобраться с Сэмом.

Дрейк свернул кнут. Он завёл привычку оборачивать руку вокруг пояса в несколько оборотов. Но рука постоянно была в движении, поэтому со стороны казалось, будто Дрейка сжимает розовато-серая анаконда. Будто он – её добыча.

– Тебе бы это понравилось, да, Диана? Если бы я сразился с Кейном. Жаль тебя разочаровывать. Я на сто процентов верен Кейну. Мы с ним как братья. Даже больше, чем кровные братья, а не как они с Сэмом. – Он подмигнул ей. – Братство Мрака, Диана. Мы с ним оба были там. Мы оба встретились с Мраком.

Дрейк видел, что Диане до смерти хотелось узнать об этом существе из шахты, о создании, которое подарило Дрейку новую руку после того, как Сэм сжёг прежнюю. Но Дрейк не собирался ей ничего рассказывать. Пусть страдает от любопытства. Пусть бесится.

– Пойдём, навестим босса.

Кейн уже выглядел лучше. Какая бы болезнь ни сжирала его на протяжении последних трёх месяцев, не выпуская его из мира лихорадки и кошмаров, она, похоже, начала отступать.

Слишком поздно для Пузана.

Дрейк невольно улыбнулся, вспомнив о нём. Жирдяй Пузан летит по воздуху и врежется в прочную стену с такой силой, что буквально пролетает насквозь. Да, это стоило того, чтобы увидеть.

С тех пор никто, включая Дрейка, не совался к Кейну. Даже сейчас Дрейк был настроже. Только Диане хватило безрассудства остаться с Кейном, менять его загаженные простыни и кормить супом с ложечки.

– Неплохо выглядишь, Кейн, – сказал Дрейк.

– Как будто из ада вылез, – возразил Кейн. – Но в голове прояснилось.

Дрейк подумал, что вряд ли это правда. Он и сам провёл всего несколько часов лицом к лицу с Мраком, и его до сих пор не отпускало – по крайней мере, надолго. Время от времени он слышал голос у себя в голове. Точно слышал. И был уверен, что Кейн тоже слышит.

«Если услышишь этот голос хоть раз, потом не отделаешься», – подумал Дрейк. Эта мысль успокаивала.

– Клоп, ты тут? – спросил Кейн.

– Я тут.

Дрейк едва не подскочил от неожиданности. Клоп стоял в трёх футах от него, не совсем прозрачный, но и не вполне видимый. Мальчишка обладал способностью маскироваться, как хамелеон. Если посмотреть на Клопа в тот момент, когда он использует свою силу, можно было заметить разве что лёгкую рябь в воздухе, странное искажение света.

– Прекрати это, – прорычал Кейн.

Клоп тут же стал видимым: обыкновенный сопливый гадёныш.

– Прости, – пробормотал он. – Я просто... я не...

– Не бойся, я сейчас не в настроении швырять людей в стену, – сухо сказал Кейн. – У меня есть для тебя работа, Клоп.

– Опять в Перидо-Бич?

– Нет. Нет, Сэм только этого и ждёт, – сказал Кейн. – В Перидо-Бич мы больше не лезем. Город нам не нужен. Пусть оставят себе. По крайней мере, пока.

– Конечно, пусть оставят себе то, что могли бы взять мы. Это так великодушно, – съязвила Диана.

– Дело не в территории, – сказал Кейн. – Дело в превосходстве. Нет, Дрейк, не в физическом, я говорю об энергии. – Он опустил руку Клопу на плечо. – Клоп, в этом плане ты самое важное звено. Мне нужны твои навыки.

– Не понимаю, что ещё я могу найти в Пердидо-Бич, – сказал Клоп.

– Забудь о Пердидо-Бич. Я уже сказал, дело в энергии. В ядерной энергии. – Кейн подмигнул Диане и хлопнул Дрейка по плечу, включив своё прежнее обаяние, чтобы вернуть им веру в него. Но Дрейка так просто было не одурачить: тело Кейна ослабло, а разум затуманился. Былая уверенность потускнела, от прежнего Кейна осталась лишь тень. Однако эта тень была способна швырнуть человека сквозь стену. Рука-кнут Дрейка изогнулась, коснувшись его спины.

– Вся жизнь города держится на электростанции, – сказал Кейн. – Если мы возьмём электроэнергию под контроль, Сэм сам отдаст нам всё, что угодно.

– А тебе не кажется, что Сэм в курсе? И наверняка расставил охрану на АЭС? – спросила Диана.

– Я уверен, что там есть охрана. Но также я уверен, что они не заметят Клопа. Так что лети, малютка Клоп. Лети туда, и посмотрим, что тебе удастся разузнать.

Клоп с Дианой одновременно развернулись и вышли. Один – взволнованный, другая – в негодовании. Дрейк остался.

Кейн казался удивлённым, может быть, даже слегка взволнованным.

– Что такое, Дрейк?

– Диана, – сказал тот. – Я ей не доверяю.

Кейн вздохнул.

– Да, я уже понял, что Диана тебе не нравится.

– Дело не в том, что мне не нравится эта... – он едва не произнёс слово на букву «с», но глаза Кейна сверкнули, и Дрейк поправил себя. – Дело не в том, что она мне не нравится. А в ней и Джеке-Компьютере.

Это насторожило Кейна.

– О чём ты говоришь?

– Джек. У него проявилась сила. И я сейчас не о его способностях к технике. Клоп видел его в Пердидо-Бич. Помнишь, у них есть такой трактор с экскаваторным ковшом? Так вот, когда этот их гастарбайтер копал могилу, трактор перевернулся и упал в неё. И Клоп видел, как Джек его поднял. Просто взял и вытащил из ямы, будто это не трактор, а велосипед.

Кейн сел на край кровати. Дрейку показалось, что Кейн вынужден немного посидеть, потому что стоять на ногах дольше нескольких минут ему всё ещё было тяжело.

– Похоже, у него не меньше двух делений. А может, даже три, – сказал Кейн. Систему делений изобрела Диана, взяв за основу уровень сигнала в сотовом телефоне. Сама же Диана обладала способностью определять количество этих делений.

Дрейк знал, что только у двоих людей официально выявлено по четыре деления: у Сэма и у Кейна. Ходили слухи, будто Малыш Пит продемонстрировал более мощную силу, но разве может полоумный пятилетка представлять серьёзную опасность?

– Ага, значит, у Джека, возможно, тройка. Но Диана это не подтвердила, так? Она сказала, что у него ноль. Ладно, допустим, сила постепенно развивается. Но чтобы от нуля до трёх? – Дрейк пожал плечами. Давить дальше не было смысла, он и так знал, что Кейн – пусть даже ослабленный, больной Кейн, – мысленно выстраивает логическую цепочку.

– Мы так и не выяснили, почему Джек переметнулся к Сэму, – мягко сказал Кейн.

– Может, кто-то его надоумил, – предположил Дрейк.

– Может быть, – сказал Кейн, не желая признавать такую возможность. – Пусть кто-нибудь присмотрит за ней. Только не ты, она и так знает, что ты за ней следишь. Найди кого-нибудь другого.

* * *

По мнению Дака Чжана, хуже всего в УРОДЗ дела обстояли с едой. Поначалу всё было просто отлично: шоколадки, чипсы, газировка, мороженое. Но так продолжалось всего лишь несколько недель. Могло бы и дольше, если бы люди не тратили еду понапрасну: не оставляли мороженое таять, не объедались печеньем, бросая остатки на съедение собакам, не оставляли хлеб покрываться плесенью.

К тому времени, как сладости и закуски закончились, было уже поздно: всё мясо и курятина, за исключением бекона, колбасы и ветчины, либо испортилось, либо у него вышел срок годности. То же самое касалось свежих продуктов, кроме картофеля и репчатого лука. Даку велели помочь очистить «Ральфс» от всей этой тухлятины. Команда возмущённых ребят выгребала оттуда гниющую зелень и вонючее мясо несколько дней. Но разве откажешься, когда Сэм Темпл смотрит прямо на тебя, указывает на тебя пальцем и говорит: «Ты»? Этот парень запросто может поджарить любого. Кроме того, он теперь за главного, в конце концов.

Потом пришёл черёд консервированного супа, сухих хлопьев, крекеров и сыра.

А сейчас Дак всё бы отдал за банку супа. На завтрак он ел консервированную спаржу. На вкус блевотина, да ещё и моча после этого воняет, все это знают.

Но было в УРОДЗ и хорошее. И самым лучшим, по мнению Дака Чжана, был бассейн. Бассейн принадлежал не ему, но, плавая в нём, можно было считать иначе. Ранним мартовским утром в понедельник, когда он должен был сидеть на уроках.

Больше никакой школы. Ничего, кроме бассейна. Это помогало немного справиться с голодом.

Дак был шестиклассником. Маленький для своего возраста, азиат, хотя его семья жила в Америке с 1930-х годов. Когда-то родители волновались из-за его лишнего веса. Что ж, в УРОДЗ не осталось толстяков. Ни единого.

Воду Дак любил. Но только не океан. Океан пугал его. Дак не мог избавиться от мысли, будто там, внизу, под волнами, скрывается целый мир, невидимый ему, в то время как они могут его видеть. «Они» – это кальмары, осьминоги, рыбы, угри, медузы и, что хуже всего, акулы.

А вот бассейны – это здорово. В них видно всё до самого дна.

Но у Дака никогда не было своего бассейна. Общественного бассейна в Пердидо-Бич тоже не было, так что поплавать ему удавалось только у кого-нибудь из друзей, у кого дома имелся бассейн, или на каникулах вместе с родителями, когда они останавливались в гостинице с бассейном.

Теперь же, когда дети в Пердидо-Бич могли жить практически как им вздумается и ходить почти везде, где захочется, Дак нашёл идеальный бассейн: уединённый и частный. Мальчик не знал, кому он принадлежал раньше. Но кем бы ни был прежний хозяин, он отлично всё устроил. Бассейн был большой, овально-изогнутый в форме почки, глубиной в десять футов с одного края, так что можно было нырять вниз головой. Весь бассейн был выложен красивой плиткой цвета морской волны с золотым узором в виде солнечных лучей на дне. Вода – когда Дак научился её хлорировать и прочищать фильтры, – стала прозрачной, как стекло.

Рядом располагался замечательный кованый столик с зонтом посередине и несколько очень удобных шезлонгов: он мог выбрать любой и лежать, если ему захочется. Но он редко валялся в шезлонгах. Куда приятнее было лежать на надувном матрасе. Бутылка с водой плавала рядом с ним на отдельной подставке. Дак надевал солнцезащитные очки фирмы «Рэй-Бэн», наносил лёгкий крем от загара – короче говоря, он был счастлив. Голоден, но счастлив.

Иногда, когда Дак был в особенно хорошем настроении, ему начинало казаться, что он мог бы лежать на воде безо всякого матраса. В моменты особенного счастья ему даже начинало

казаться, словно его спина потихоньку приподнимается над пластиковой поверхностью. Будто его тело теряло вес или что-то вроде того. На самом деле, однажды он вдруг пробудился от счастливого сна и упал, погрузившись в воду на пару футов. По крайней мере, так ему показалось, хотя это, очевидно, тоже было частью сна.

А иногда, когда Дак отчего-то злился, например, вспомнив чей-нибудь пренебрежительный взгляд, то чувствовал, словно становится тяжелее, и матрас в буквальном смысле начинал погружаться в воду.

Но Дак редко испытывал сильное счастье или злость. Обычно он был просто безмятежен.
– Ю-ху-у-у!

Такого возгласа он никак не ожидал. Как и высоких брызг, следовавших за ним.

Дак сел на своём матрасе.

Его окатило водой. В бассейне кто-то был. В его бассейне.

К краю подбежали ещё две размытые фигуры, последовало ещё два возгласа – и два столба брызг после прыжков «бомбочкой».

– Эй! – закричал Дак.

Одного из ребят звали Зил, тот ещё засранец. Двух других Дак сразу не узнал.

– Эй! – заорал он снова.

– На кого это ты вопишь? – возмутился Зил.

– Это мой бассейн, – сказал Дак. – Я его нашёл и вычистил. Идите ищите себе другой.

Дак понимал, что он меньше ростом, чем любой из троицы. Но он так разозлился, что не чувствовал страха. Матрас под ним начал проседать, и Дак подумал, уж не проткнул ли кто из мальчишек в нём дырку.

– Я серьёзно, – крикнул Дак. – Вы, трое, валите отсюда.

– Он серьёзно, – передразнил его один из парней.

Не раздумывая, Зил выскочил из воды и схватил Дака за шею. Дака потянуло вниз, он задышался, кашлял, вода затекала в нос.

Он с трудом вынырнул на поверхность, размахивая внезапно налившимися свинцом руками, чтобы удержаться на плаву.

Его ударили снова, просто ради веселья – никто всерьёз не хотел причинять ему боль, но Дак снова погрузился в воду. На этот раз он опустил на самое дно бассейна, и ему пришлось усиленно работать ногами, чтобы подняться на поверхность за глотком воздуха. Дак схватился за матрас, но один из мальчишек утянул его прочь, громко хохоча.

Внезапно Дака охватила ярость. У него была единственная радость в жизни – этот бассейн, единственная ценная вещь, и теперь её отнимают у него на глазах.

– Пошли вон! – Заорал он, но последнее слово утонуло в бульканье, и мальчик камнем пошёл ко дну.

Что происходит? Он вдруг разучился плавать. И оказался на самом дне бассейна, под толщей воды. Дак пытался оттолкнуться от выложенного плиткой дна, чтобы всплыть, но плитка под ступнями трескалась, и осколки медленно кружились под водой.

Мальчика охватила паника. Что они с ним сделали?

Он оттолкнулся снова, обеими ногами, изо всех сил, но вообще не поднялся к поверхности. Вместо этого обе ступни ушли под плитку. Дак не всплыл ни на дюйм. На самом деле, он продолжал тонуть. Ноги опускались под плитку, пятки скребли по цементу и растрескавшемуся бетону, погружаясь в землю под ними.

Это невозможно.

Невозможно.

Дак Чжан проваливался сквозь дно бассейна. Сквозь землю под дном. Он будто стоял в зыбучем песке.

По колени.

По бёдра.

По пояс.

Он яростно сопротивлялся, но от этого его засасывало только быстрее.

Разбитая плитка оставляла царапины на его боках. Грязь забивалась под плавки.

Лёгкие обжигало огнём. Перед глазами всё расплывалось, в голове стучало, и мальчик продолжал проваливаться сквозь твёрдую землю, словно земля превратилась в воду.

Когда плитка оказалась на уровне груди, Дак расставил руки, пытаясь упереться и остановить падение, но руки прошли сквозь плитку, а затем и сквозь землю, словно плуг, и грязь вперемишку с осколками тёмной тучей кружилась у него над головой.

Вода, наполнявшая бассейн, давила на него, пыталась набиться в нос и рот. Он был словно пробка, которую утягивало в водосток.

Мир вокруг Дака Чжана кружился в водовороте; яростные удары ногами вниз, солнечные искры над головой. Затем в глазах стало темнеть, сперва по бокам, а затем тьма окончательно вытеснила свет.

* * *

Где-то с минуту это было забавно. Зил Сперри веселился, подкрадываясь к Ботану-Чжану: вместе с Хэнком и Антуаном они тихонько обошли дом вокруг, радостно подталкивая друг друга и пытаясь подавить смех.

Это Хэнк узнал о секретном бассейне Дака. Хэнк был прирождённым шпионом. Но именно Зил предложил дожидаться, пока Дак всё вычистит, разберётся с хлоркой и запустит фильтр.

– Пусть сперва сделает всю работу, – объяснил он друзьям, – а потом мы его выгоним.

Антуан с Хэнком круче него, Зил это понимал, но, когда нужно было что-то серьёзно обдумать и распланировать, этим занимался Зил.

Они добились эффекта абсолютной неожиданности. Дак наверняка обмочился. Тупой ботан. Большой вечно ноющий плакса.

Но потом всё пошло не по плану. Дак камнем пошёл ко дну. И продолжал тонуть. И вдруг сверкающая под солнцем водная гладь превратилась в водоворот чудовищной силы. Хэнк ещё стоял на ступеньках и успел отскочить от бассейна. Но Антуан и Зил были на самой глубине, когда Дак выдернул пробку.

Зил едва успел ухватиться за край trampлина. Вода засасывала его с такой силой, что едва не стянула плавки. Он с трудом держался, кончики пальцев скребли по шершавой поверхности.

Антуана уносило вниз. На очередном круге поток швырнул его в хромированную лестницу, и Антуан умудрился сунуть свою толстую ногу между лестницей и стенкой бассейна. Ему повезло, что он не сломал лодыжку.

Хэнк вытянул Зила вверх, в безопасность. Вдвоём они помогли Антуану вскарабкаться по лестнице, и тот повалился на землю, словно выброшенный на берег кит.

– Чувак, мы едва не утонули, – слабо выдохнул Антуан.

– Что случилось? – Спросил Хэнк. – Я ничего не разглядел.

– Это Дак, парни, – сказал Зил дрожащим голосом. – Он, типа, ушёл под воду и не смог выбраться.

– Меня чуть не засосало, – сказал Антуан, готовый вот-вот разреветься.

– Скорей, тебя чуть не смыло, – сказал Хэнк. – Ты был похож на огромную розовую какашку в унитазе.

Зилу не хотелось смеяться над этой шуткой. Он чувствовал себя униженным. Из него сделали посмешище. Он отчаянно боролся за жизнь, перепуганный до смерти. Зил развернул руки ладонями вверх и посмотрел на исцарапанные, разодранные пальцы. Ладони горели.

Зил представил, как, должно быть, это выглядело со стороны: как он висел, вцепившись в край доски-трамплина, как плавки наполовину сползли, пока вода утягивала его за собой.

В этом не было ничего смешного.

Зил не позволит смеяться над собой.

– Над чем это вы двое ржёте? – возмущённо спросил он.

– Ну, это было, типа... – начал Антуан.

– Он – урод, – перебил его Зил. – Дак Чжан – урод, мутант. Он пытался нас убить.

Хэнк внимательно посмотрел на него, будто сомневаясь, но уже спустя секунду он был на стороне Зила.

– Да. Урод пытался нас прикончить.

– Это всё неправильно, чуваки, – согласился Антуан. Он сел и обхватил руками лодыжку, на которой красовался синяк. – Откуда нам было знать, что он мутантский урод? Мы просто развлекались. Мы что, теперь каждый раз должны переживать, нормальный ли перед нами человек или урод какой-нибудь?

Зил встал и посмотрел на опустевший бассейн. Дыра на дне скалилась острыми осколками плитки. Эта пасть проглотила Дака и чуть не утянула следом Зила. Дак выставил Зила дураком, и плевать, жив он или мёртв. Кто-то должен за это заплатить.

Глава 5

104 часа, 5 минут

– ПУЛИ ЛЕТАЮТ БЫСТРО. В этом вся суть их действия, – снисходительно пояснил Джек-Компьютер. – Если бы пули летали медленно, от них бы было мало пользы.

– Я быстрая, – сказала Брианна. – Потому меня и зовут Бриз. – Она рукой прикрыла глаза от солнца и, прищурившись, посмотрела на цель, которую себе наметила: знак перед пустой стоянкой, расположенной у подножия горного хребта.

Джек вытащил портативный компьютер. Ткнул в несколько цифр.

– Самая медленная пуля летит со скоростью триста тридцать метров в секунду. Грубо говоря, это тысяча сто футов в секунду. Я нашёл книгу по статистике, в которой куча таких полезных фактов. Чёрт, я скучаю по «Гуглу». – Похоже, он действительно страдал. Слово «Гугл» застряло у него в горле.

Брианна мысленно рассмеялась. Джек-Компьютер был таким... компьютерным. И всё же он был очень милым, когда так рассуждал: неуклюже, неловко, в манере двенадцатилетнего мальчишки, у которого только-только начал ломаться голос.

– В общем, в часу у нас три тысячи шестьсот секунд, так? Значит, где-то четыре миллиона футов в час делим на пять тысяч двести восемьдесят футов в миле. Считай, семьсот пятьдесят миль в час. Почти со скоростью звука. И это не самые быстрые из пуль.

– Зуб даю, я тоже смогу столько выдать, – сказала Брианна. – Я уверена.

– Я не хочу стрелять, – сказал Джек, с сомнением глядя на пистолет в её руке.

– Ой, да брось, Джек. Перед нами шоссе, которое упирается прямо в горы. Что может случиться? Подстрелишь ящерицу?

– Я никогда раньше не стрелял, – сказал Джек.

– С этим любой идиот справится, – уверила его Брианна, хотя сама тоже ни разу не стреляла из оружия. – Но, наверное, будет небольшая отдача, так что держи крепче.

– Насчёт этого не беспокойся. Хватка у меня что надо.

Брианне понадобилось несколько секунд, чтобы уловить иронию в его голосе. Она вспомнила, как кто-то говорил, будто у Джека есть способности. Будто он необычайно силен.

Но Джек не выглядел сильным. Он был похож, скорее, на типичного ботаника. Лохматые светлые волосы, покосившиеся очки. И со стороны всегда казалось, будто он не смотрит сквозь очки, а глядит на собственное отражение в их стёклах.

– Окей. Готовься, – велела ему Брианна. – Крепче держи пушку. Целься в знак. Давай сделаем про...

Выстрел прогремел прежде, чем она успела договорить. Необычайно громкий звук, облачко голубоватого дыма и на удивление приятный запах.

– Я хотела сказать, давай сделаем пробный выстрел, – сказала Брианна.

– Прости. Я, похоже, слишком надавил на курок.

– Ну да. Похоже. На этот раз просто прицелься. Вон в тот знак, не в меня.

Джек поднял ствол.

– Обратный отсчёт?

– Да.

– До нуля?

– До нуля.

– Готова?

Кроссовки Брианны ещё глубже увязли в грязи, она наклонилась, выкинула одну руку вперёд и замерла, как бегунья на стоп-кадре.

– Готова.

– Три. Два. Один.

Брианна бросилась вперёд за долю секунды до того, как Джек спустил курок. Она мигом осознала свою ошибку: пуля летела вслед за ней, прямо у неё за спиной.

Гораздо лучше преследовать пулю, чем быть преследуемой ею.

Брианна летела. Почти в буквальном смысле. Если бы она раскинула руки и поймала воздушный поток, то пролетела бы футов пятьдесят, потому что двигалась быстрее, гораздо быстрее самолёта, разгоняющегося по взлётной полосе.

Она бежала необычным образом: работая руками, как обычный бегун, Брианна с каждым рывком разворачивала их ладонями назад. Почти у всех мутантов в УРОДЗ именно ладони были центром сосредоточения их сил.

Воздух пронзительно свистел в ушах. Короткие волосы девушки развевались на ветру. Щёки подрагивали, глаза обжигало. Дышать было тяжело, словно она оказалась в центре урагана.

Мир вокруг превратился в смазанное разноцветное пятно, объекты пролетали мимо так быстро, что мозг не успевал их распознать. Светлые штрихи без определённой формы.

По опыту она знала, что после забега к ступням придётся приложить лёд, чтобы те не опухли. Брианна даже заранее приняла две капсулы «Адвила».

Она бежала быстро. Невероятно быстро.

Но не быстрее летящей пули. Она рискнула обернуться.

Пуля догоняла её. Девушка видела её: пятнышко, крохотное серое пятнышко, летящее за ней, кружащееся по спирали.

Брианна отклонилась вправо, всего на полшажка.

Пуля медленно проплыла мимо.

Брианна погналась за ней, но пуля упала в грязь, даже не приблизившись к цели, когда Брианна была в дюжине шагов позади.

Она тут же сбавила скорость, пологий склон помог ей мягко затормозить, и девушка остановилась.

Джек остался в трёх сотнях ярдов позади. Вся эта гонка длилась немногим дольше секунды, хотя по субъективным ощущениям Брианны времени прошло куда больше.

– Получилось? – крикнул Джек.

Она, не спеша, даже по своим меркам, лениво побежала назад – всего-то восемьдесят или девяносто миль в час, – и рассмеялась.

– Ещё бы, – ответила Брианна.

– Я даже ничего не разглядел. Вот ты здесь. Раз – и ты уже там.

– Потому меня и зовут Бриз, – сказала Брианна, весело подмигнув Джеку. Но тут желудок напомнил ей, что она только что сожгла суточную норму калорий. В животе так громко заурчало, что Джек наверняка это слышал.

– Ты, разумеется, в курсе, что бриз – это на самом деле лёгкий морской ветерок, да? – педантично заметил Джек.

– А ты, разумеется, в курсе, что я могу вклеить тебе восемь пощёчин, прежде чем ты успеешь глазом моргнуть, да?

Джек моргнул.

Брианна улыбнулась.

– Вот, – осторожно проговорил Джек. Он протянул ей пистолет рукояткой вперёд. – Возьми.

Брианна сунула его в рюкзак, валявшийся у её ног. Затем достала открывалку и припасённую банку соуса для пиццы. Вскрыла банку и выпила острую жижу.

– Держи, – сказала она, протягивая банку Джеку. – Там ещё немного осталось.

Он не стал спорить, а наклонил банку и терпеливо ждал, пока последняя унция красной пасты капнет ему в рот. Затем облизал банку изнутри и указательным пальцем собрал те остатки, до которых не смог дотянуться языком.

– Итак, Джек. Как обстоят дела с налаживанием телефонной связи?

Джек замешкался, принимая решение, стоит ли рассказывать ей.

– Связь уже налажена, телефоны работают. Вернее, будут работать, как только я договорюсь с Сэмом.

Брианна уставилась на него.

– Чего?

– Вообще-то это было не так уж сложно. У нас есть три вышки: одна здесь, в Пердидо-Бич, ещё одна вверх по автостраде и третья на вершине горного хребта. Существует программа, которая проверяет, был ли оплачен счёт и всё такое, и либо блокирует, либо авторизует номер. Конечно, программа заключена не в самой вышке, она на сервере за пределами УРОДЗ. Я сделал так, чтобы все наши телефоны авторизовались автоматически.

– Я смогу позвонить маме? – спросила Брианна. Она и так знала ответ, но не смогла подавить проблеск надежды и всё же спросила.

Джек в замешательстве посмотрел на неё.

– Разумеется, нет. Для этого нужно, чтобы барьер вокруг УРОДЗ был проницаемым.

– О. – Разочарование больно кольнуло девушку. Брианна, как и большинство других детей в УРОДЗ, сумела смириться с потерей родителей, бабушек и дедушек, старших братьев и сестёр. Но надежда, что с ними можно как-то связаться...

Больше всего Брианна скучала по матери. Между Брианной и её младшими сёстрами был слишком большой разрыв в возрасте. Отец после развода больше не появлялся в её жизни. Мама снова вышла замуж – за полного придурка – и родила от него близнецов. Брианна хорошо к ним относилась, но они были на восемь лет её младше, так что о том, чтобы тусоваться вместе, не могло быть и речи.

Это отчим Брианны настоял на том, чтобы отправить её в «Коутс». Он объяснял это её плохими отметками. Но это было слабое оправдание. У многих детей нелады с математикой, но их за это не ссылают в места наподобие «Коутс».

Брианна уговорила маму повлиять на отчима. Этот год в «Коутс» должен был стать для неё последним. На следующий год она вернулась бы в среднюю школу «Николет» в Баннинге, Калифорния. Назад на своё место. Конечно, в «Николет» тоже хватало трудных ребят, но, по крайней мере, там не было ни Кейнов, ни Бенно, ни Диан, и уж точно никаких Дрейков.

Никто в «Николет» не бетонировал её ладони в цементные блоки и не бросал умирать от голода.

Кроме того, было бы так здорово поразить старых друзей своей новой силой. У них бы башню снесло. Мозги бы расплавились. Брианна в одиночку могла бы заменить всю команду легкоатлетов.

– Нет спутников, с которыми мы могли бы связаться, – продолжал обстоятельно объяснять Джек. В нём и впрямь было что-то милое. И Брианне он казался интересным. Особенно мило Джек выглядел, когда смущался, продолжая при этом оставаться до ужаса умным. Она и прежде обращала на него внимание, ещё тогда, когда «Академия Коутс» была паршивой дырой, а Джек вертелся где-то на задворках шайки Кейна.

– Но почему Сэм никому не сказал? – спросила Брианна. – Почему он не включил сотовые?

– Мы не можем сделать так, чтобы ребята из «Коутс» не воспользовались нашей системой, пока не избавимся от вышки на хребте. Или пока я не найду способ полностью изменить протокол авторизации, чтобы внести в него только определённые номера. А это серьёзная работёнка по программированию, учитывая, что начинать мне придётся с нуля.

– О. – Брианна пристально посмотрела на него. – Ладно, но мы же не хотим ничем помогать Кейну, Дрейку и этой ведьме Диане. Правда ведь?

Джек пожал плечами.

– Ну, Дрейка я боялся. В смысле, Дрейка все боятся. Но Кейн с Дианой хорошо ко мне относились.

Этот ответ Брианне не понравился. Заинтересованная улыбка, с которой она на него смотрела, испарилась. Девушка вскинула руки. Шрамы от жестокого «гипсования» Дрейка уже сошли. Но память об этом насилии, ужас от осознания, что скоро умрёшь от голода, особенно теперь, когда голод вернулся, всё еще были свежи.

– Со мной они повели себя не так вежливо.

– Верно, – признал Джек. Он опустил глаза. – Но всё же. Я к тому, что ребята – и Сэм, и Астрид, и остальные, – попросили меня что-нибудь придумать, с телефонами, и, понимаешь, я это сделал. Я хочу... в смысле... я же правда сделал. Я справился. Всё работает. Так что теперь мы должны их включить.

Лицо Брианны стало ещё более каменным.

– Нет. Если это хоть как-то поможет ребятам из «Коутс», то нет. Я не хочу никоим образом облегчать им жизнь. Я хочу, чтобы они страдали. А потом и вовсе умерли.

Брианна заметила шок в глазах за покосившимися очками. Джек ничем не отличался от большинства людей, с горечью отметила про себя Брианна: он не воспринимал её всерьёз. Конечно, вокруг неё была аура крутизны и всё такое – в конце концов, она же Бриз. И, как супергерою, ей приходится придерживаться определённого стиля. Но ведь она ещё и Брианна. Обычная девчонка.

– Ой, прозвучало слишком грубо? – спросила она, не пытаясь скрыть нотки раздражения в голосе.

– Чуть-чуть, – сказал Джек.

– Да? Ну ладно, спасибо за помощь. Увидимся, – сказала Брианна. И исчезла, пока он не ляпнул ещё какую-нибудь глупость.

* * *

Дак очнулся.

Он абсолютно не понимал, где находится. Лежал на спине. Весь мокрый. На нём не было ничего, кроме плавок. Его окружала темнота.

Дак замёрз. Кончики пальцев онемели. Он дрожал.

Под лопатками мешалось что-то твёрдое и острое, и Дак подвинулся, чтобы уменьшить боль. Он огляделся в растерянности. Наверху что-то слабо светилось. Солнце едва заметно пробивалось сквозь длинный земляной колодец.

Дак попытался рассуждать. Он помнил всё: как шёл ко дну бассейна, затем пробил дно. Помнил, как задыхался под водой, как обжигало его лёгкие. На боках остались царапины, как и на внутренней стороне рук.

А теперь он лежал в какой-то дыре. Глубокой дыре. На дне колодца с облепленными грязью стенками, который каким-то образом пробило его тело, проваливаясь сквозь землю.

Проваливаясь сквозь землю?

Это было невозможно, учитывая то, как глубоко он провалился. Судя по тому, как далеко маячил свет, глубина тут была не меньше двадцати футов. Двадцать футов. Под землёй.

Страх сдавил его сердце. Он похоронен заживо. Он никак не сможет вскарабкаться по этому узкому грязному лазу назад к поверхности.

Никак.

– На помощь! – заорал он. Крик отозвался слабым эхом.

Дак понял, что он не в замкнутом пространстве. Воздуха вокруг хватало. И земля под ногами была слишком уж твёрдой и плотной. Он встал на колени. Затем медленно поднялся на ноги. Всего в нескольких дюймах над его головой обнаружился потолок. Мальчик вытянул руки в стороны и почувствовал слева стену, а справа – пустоту.

– Это труба, – сказал Дак в темноту. – Или туннель. – И справа, и слева стояла непроглядная тьма. – Или пещера. Как такое могло случиться? – возмущённо спросил Дак у пещеры. Его зубы стучали от холода. И от страха. Послышалось слабое эхо, но ответа не последовало.

Он поднял голову к свету и ещё несколько раз позвал на помощь. Но шансы, что кто-то услышит, были нулевые. Разве что Зил и его товарищи, которые издевались над Даком, побежали за помощью. А ведь это возможно, да? Может, они и придурки, но они наверняка отправились бы за помощью. Нельзя же просто так бросить его тут.

Но наверху не было видно взволнованных лиц, вглядывающихся в колодезь.

– Ну же, Дак, думай.

Он в каком-то туннеле, или вроде того, глубоко под землёй. Пол туннеля мокрый и грязный. Несмотря на это, здесь не очень сыро, на сточную трубу не похоже. Да и он сам не настолько выпачкался, как мог бы.

– Я провалился под землю. Потом я чуть не утонул, потерял сознание и перестал проваливаться. Вода продолжала утекать, и меня немного отмыло.

Он был рад, что разобрался хотя бы с этим.

Дак сделал несколько осторожных шагов по туннелю, вытянув руки перед собой. Он был напуган. Напуган, как никогда за всю жизнь. Даже сильнее, чем в день возникновения УРОДЗ, или в день великой битвы, когда он прятался в туалете с фонариком и комиксами.

И вот он здесь, внизу, один. Он не Железный Человек. Не Песочный Человек. Не Тёмный Рыцарь.

И здесь холодно.

Дак слышал собственные всхлипы и вдруг понял, что плачет. Он попытался остановиться. Это было непросто. Ему хотелось плакать. Хотелось оплакивать маму, папу, бабушку и тётушек, и даже надоедливую старшего брата, а вместе с ними и весь, весь, весь мир, который исчез и бросил его в этой могиле.

– Помогите! Помогите! – кричал Дак, но ответа по-прежнему не было.

Перед ним стоял выбор из двух одинаково мрачных вариантов: тёмный туннель слева и тёмный туннель справа. Дак ощутил на лице лёгкий, едва заметный ветерок. Казалось, он дул слева.

Идти туда, откуда дует ветер. Не наоборот.

Дак стал осторожно спускаться по туннелю, вытянув руки, будто слепой. Вниз по туннелю.

Было так темно, что он не видел собственных ладоней. Никакого света. Абсолютно.

Вскоре он заметил, что идти легче, если одной рукой касаться стены. Стена была каменная, изрытая и жёсткая, но с ямами и буграми, которые казались очень неровными. Земля под ногами тоже была неровная, но не настолько.

– Пещера должна куда-то меня вывести, – сказал Дак сам себе. Звук собственного голоса показался ему обнадеживающим. Он был реальным. Знакомым.

– Хотя бы это был туннель. Люди не строят туннелей без причины. – Затем, немного помолчав, добавил: – По крайней мере, туннель должен куда-то вывести.

Он попытался понять, в каком направлении движется. Север, юг, восток, запад? Что ж, вряд ли он ушёл далеко на запад, потому что тогда бы он вышел к океану.

Он шёл, иногда начинал плакать, но продолжал идти. Было невозможно определить, сколько времени он провёл здесь, внизу. Он понятия не имел, который час. Но вскоре увидел,

что то место, куда он провалился, было ещё уютным в сравнении с тем, что окружало его сейчас. Там стояла темнота, но пробивался хоть какой-то свет. А здесь света не было совсем.

– Я не хочу умереть тут, – сказал Дак. И тут же пожалел, что озвучил эту мысль вслух. От этого она стала казаться более реальной.

В этот момент он ударился головой обо что-то, чего не должно было здесь быть, и ударился сильно.

Дак злобно выругался, приложил ладонь ко лбу, чтобы проверить, есть ли кровь, и вдруг почувствовал, что ноги опять уходят под землю.

– Нет! – вскрикнул он.

И перестал проваливаться. Он успел увязнуть по колено. Но потом всё прекратилось. Тело перестало погружаться. Осторожно, аккуратно он вытащил ноги и встал на твёрдую землю.

– Что со мной происходит? – возмутился он. Почему... – и тут Дак понял. Он знал ответ и не мог поверить, что это не пришло ему в голову раньше.

– О, боже. Я урод! Я мутант! Я мутант с реально дерьмовой сверхспособностью!

Он не был уверен, в чём именно заключается его сила. Похоже, в способности проваливаться сквозь землю. А это бред. Кроме того, он не собирался её «включать». Он был уверен, что не велел себе тонуть.

Дак зашагал снова, стараясь не ударяться головой и пытаясь понять, что же произошло. Оба раза он начинал проваливаться, когда злился, это во-первых. Он слышал рассказы о том, что способности Сэма поначалу проявлялись лишь тогда, когда он испытывал сильный страх или ярость.

Но Дак уже давно испытывал страх. Он жил в состоянии страха с момента появления УРОДЗ. Но странные вещи начали происходить с ним лишь в моменты злости.

Странные вещи. Что бы это ни было.

– Если я сильно взбешусь, может быть, я провалюсь насквозь. Окажусь в Китае. Увижу своих пра-пра-прадедов.

Он прошёл ещё несколько шагов и заметил тусклый свет.

– Свет? – удивился он. – Это и впрямь свет?

Свет не был ярким, это точно. Не лампочка. Не фонарь. И даже не звезда. Скорее, область чуть меньшей тьмы. Дымка. На таком расстоянии было невозможно разобрать.

Дак не сомневался, что это галлюцинация. Ему хотелось, чтобы свет оказался настоящим, но он боялся, что это не так. Боялся, что это игра воображения.

Но он продолжал идти, и чем ближе подходил, тем яснее становилось, что это не мираж. Что-то определённо светилось. Будто бледный циферблат в тёмной комнате, нездоровое, холодное, чахлое свечение.

Даже вблизи света не хватало, чтобы увидеть хоть что-то. Можно было разобрать лишь очертания камней. Мальчику пришлось остановиться и некоторое время изо всех сил вглядываться, напрягая зрение, прежде чем он смог определить, что свет идёт почти от самой земли. Из ещё одного туннеля, отходящего в сторону от главной пещеры, которая, как показалось Даку, постепенно расширялась.

Он мог бы свернуть в этот новый коридор, там, по крайней мере, что-то видно. Немного, но хоть что-то. Хоть какое-то доказательство, что он не ослеп.

Но тоненький голосок в голове закричал: «Нет!»

Инстинкты подсказывали ему бежать прочь.

– Там внизу свет. Он должен куда-то вывести, – спорил Дак сам с собой.

Пусть Дак никогда не был самым внимательным учеником и мало что знал о своём мозге с научной точки зрения, зато он был заядлым фанатом «Симпсонов». Он уже видел это свечение в мультяшной форме. И в куче комиксов.

– Это радиация, – сказал Дак.

Это неправильно, подумал он, и его переполнило праведное негодование. Все говорили, что после большой аварии, которая случилась на АЭС тринадцать лет назад, после удара метеорита, радиации не осталось. Но откуда тогда это свечение? Должно быть, радиация просочилась под землю сквозь трещины и расщелины.

Взрослые солгали. А может быть, и сами не знали.

– Идти туда – не самая лучшая идея, – сказал Дак сам себе. – Но свет есть только там, – простонал он и заплакал от отчаяния, потому что, похоже, иного выбора не оставалось, кроме как возвращаться в абсолютную темноту.

И тут Дак что-то услышал.

Он замер. Напряг слух и стал вслушиваться.

Мягкий, свистящий звук. Едва слышный.

Долгая пауза. И вот опять. Ш-ш-ш. Ш-ш-ш.

Дак не сразу услышал этот звук, потому что всё его внимание было сосредоточено на свечении. Но этот шум он узнал. Вода. И звук шёл, слава богу, не из радиоактивной шахты.

Дак ненавидел океан. Но, учитывая все обстоятельства, ненависть к этой пещере пере-
силила.

Оставив свечение позади и осторожно ощупывая путь перед собой, оберегая лоб, на котором выскочил синяк, Дак осторожно шёл сквозь непроглядную тьму.

Глава 6

96 часов, 22 минуты

– СЛУШАЙ, АЛЬБЕРТ, ТОЛЬКО не говори, что у нас проблема, а я ничего не могу с этим сделать, – почти прорычал Сэм. Он стремительно шагнул от здания муниципалитета к расположенной по соседству церкви. Альберт и Астрид шли за ним, стараясь не отставать.

За океаном садилось солнце. Гаснущий свет оставил на поверхности воды длинный красный восклицательный знак. На воде виднелась лодка, одна из маленьких моторных. Сэм вздохнул. Кто-то из детей, кто наверняка в конце концов утонет.

Вдруг Сэм остановился, отчего Альберт с Астрид столкнулись.

– Простите. Я не хочу, чтобы вы думали, будто я в бешенстве. Да, я злюсь, но не на тебя, Альберт. Дело в том, что я должен пойти туда и установить новый порядок, но, уж извините, черви-убийцы ситуацию ничуть не облегчают.

– Тогда подожди пару дней, – спокойно предложил Альберт.

– Подождать? Альберт, разве не ты ещё несколько недель, даже месяцев назад говорил, что нам следует заставить всех поскорее взяться за работу?

– Я не говорил, что мы должны всех заставить, – возразил Альберт. – Я говорил, что мы должны придумать, чем платить за работу.

Сэм был не в настроении. Совершенно не в настроении. Смерть ребёнка стала трагедией для всех, но для него она означала личный провал. Ему поручили быть главным, а значит, за все провалы ответственность нёс именно он. Е. З. находился под его защитой, Сэм должен был о нём позаботиться. А теперь от Е. З. осталась только кучка пепла.

Сэм жадно втянул в себя поток воздуха. Он бросил мрачный взгляд на кладбище. За последние три месяца там появились три новых могилы – с тех пор, как Сэм был официально избран мэром. Е. З. не получит и могилы, только табличку. Если так пойдёт и дальше, выделенное под кладбище место скоро закончится.

Главная дверь в церковь была открыта. Открыта всегда. Всё потому, что дверь, как и крыша церкви, сильно пострадали в великой битве на День благодарения. Широкие деревянные двери просто снесло с петель. Боковые стороны дверного проёма казались шаткими, их поддерживал только продолговатый камень сверху, отчего вся разрушенная конструкция походила на одно из сооружений Стоунхенджа.

Кейн едва не разрушил церковь целиком, но здание было построено крепко, так что три четверти остались стоять. Некоторые обломки убрали, но далеко не все, и то их просто вынесли на боковую улицу. Подобно многим другим начинаниям, и это сошло на нет, когда дети отказались работать, и уговорить их было невозможно.

Сэм прошёл по самому центру церкви и поднялся на три невысокие ступеньки – что-то вроде сцены, хотя Астрид терпеливо объясняла, что это называется алтарём. Огромный крест так и не вернули на его законное место, а просто прислонили к стене в углу. При ближайшем рассмотрении на нём можно было заметить пятна крови, оставшиеся после того, как крест обрушился на плечо Коржика.

Только повернувшись к аудитории, Сэм увидел, как мало народу собралось в церкви. Сюда должно было прийти около двухсот пятидесяти детей: все, кроме детсадовцев и охранников, выставленных в разных точках. Пришло же человек восемьдесят, половина из которых были ещё такие маленькие, что Сэм понял: старшие братья и сёстры сплывали их сюда, чтобы самим немного отдохнуть в их отсутствие.

Астрид и Альберт заняли места на скамье в первом ряду. Малыш Пит остался в садике. Теперь, когда у Мамаи Мэри появилось больше помощников в детском саду, Астрид могла

время от времени отводить туда Пита, но никогда не оставляла его там надолго. Пока Пити был поглощён своей видеоигрой, за ним мог присматривать кто угодно. Но стоило малышу расстроиться...

Сама Мама Мэри Террафино сидела на две скамейки позади: она была слишком скромна, чтобы посягнуть на места рядом с лидерами. Сэм удивился, увидев, как выглядит Мэри. Она похудела. Должно быть, от тяжёлой работы. Или ей было не слишком весело жить на консервах, которые в своё время, ещё до УРОДЗ, люди жертвовали на благотворительность. Но она была очень стройной, а это прилагательное редко применяли к Мэри. Стройной, как модель.

Лана Арвен Лазар примостилась в дальнем ряду. Целительница выглядела уставшей и слегка раздосадованной. Лана часто казалась раздосадованной. Но, по крайней мере, она пришла, а для большинства детей это значило больше, чем любые слова.

Сэм стиснул зубы: его разозлило, что так много людей не явилось на общегородское собрание. Чем они вообще таким важным могут быть заняты вместо этого?

– Во-первых, – сказал Сэм, – я хотел бы выразить соболезнования по поводу Е. З. Он был хорошим парнем. Он не заслужил... – на мгновение нахлынувшие неизвестно откуда эмоции едва не сбили его с мысли. – Мне жаль, что он погиб.

Кто-то громко всхлипнул.

– Слушайте, я перейду сразу к главному: у нас триста тридцать два... простите, триста тридцать один голодный рот, – сказал Сэм. Он стоял, упершись ладонями в бёдра и широко расставив ноги. – С запасами еды у нас и без того было плохо дело. Но после набега ребят из «Коутс»... в общем, ситуация уже не просто сложная, а отчаянная.

Он помолчал, чтобы до всех дошёл смысл сказанного. Но разве шести- и восьмилетки могли всерьёз понять, о чём он толкует? Даже у ребят постарше в глазах читалось, скорее, равнодушие, нежели тревога.

– Триста тридцать один человек, – повторил Сэм. – А запасов еды осталось, может быть, на неделю. Это очень короткий промежуток времени. У нас совсем мало еды. И, как вы все знаете, еда у нас отвратительная.

Это вызвало у аудитории ответную реакцию. Дети помладше хором захихикали и принялись изображать рвотные позывы.

– Хватит, – резко оборвал их Сэм. – Достаточно. Суть в том, что положение у нас катастрофическое.

– А как насчёт еды, которая осталась в домах? – выкрикнул кто-то.

Лучи заходящего солнца пробивались сквозь полуразрушенный фасад и били Сэму прямо в глаза. Ему пришлось спуститься на две ступеньки влево, чтобы разглядеть говорившего.

– Хантер? Это ты?

Хантер Лефковитц был на год младше Сэма, длинноволосый, как и все остальные, не озаботившиеся собственной стрижкой. Ещё до УРОДЗ он никогда не относился к числу популярных ребят в школе. Но теперь, подумал Сэм, критерии популярности круто изменились.

Хантер начал развивать свои способности. Сэм старался держать это в тайне: он подозревал, что Кейн присылает в Перди-Бич шпионов. Ему хотелось иметь возможность использовать Хантера в качестве секретного оружия, если дойдёт до новой битвы с людьми Кейна. Но трудно хранить тайны в месте, где все друг друга знают.

– Хантер, мы обыскали все дома и перенесли еду в «Ральфс», – продолжал Сэм. – Проблема в том, что все фрукты и овощи испортились, пока мы набивали животы чипсами и печеньем. Всё мясо сгнило. Народ повёл себя глупо и безалаберно, и теперь этого уже не изменить. – Сэм сглотнул, пытаясь справиться со злостью и горечью осознания собственной глупости. – Но у нас осталась еда в полях. Может быть, это не та еда, которая нам по вкусу, но этого хва-

тило бы на месяцы – долгие месяцы, – если мы соберём её, прежде чем всё сгниёт или будет съедено птицами.

– А может, нас к тому времени спасут, и нету смысла напрягаться, – сказал другой голос.

– Ага, или мы научимся питаться воздухом, – пробормотала Астрид себе под нос, но её всё же расслышало несколько человек.

– А почему не отобрать еду обратно у Дрейка и его нелюдей?

Это сказал Зил. За это он получил одобрителный хлопок по спине от Антуана, одного из членов своей маленькой банды.

– Потому что тогда смертей не избежать, – без обиняков сказал Сэм. – Если повезёт, нам удастся вернуть часть еды, а кончится дело тем, что придётся вырыть ещё несколько могил у площади. В любом случае, это не решение проблемы.

– Тогда отправь своих муродов драться с их муродами, – сказал Зил.

В последнее время Сэм время от времени слышал это слово: «мурод». Слово «нелюдь» появилось в обиходе чуть позднее. Каждый новый термин звучал чуть обиднее предыдущего.

– Сядь, Зил, – продолжал Сэм. – У нас двадцать шесть человек в... как мы решили? Называем их армией? – обратился он к Эдилио.

Эдилио сидел в первом ряду. Он сидел, наклонившись вперёд и опустив голову, казалось, ему здесь не по себе.

– Некоторые так их и называют, но слушай, чувак, я не знаю, как правильно. Может, милиция или что-то типа того? А вообще, думаю, это не так важно.

– У Мама Мэри в подчинении четырнадцать человек, включая однодневных дежурных, – сказал Сэм, ставя галочки в списке. – У Эллен, начальницы пожарной охраны, шестеро, чтобы реагировать на экстренные ситуации. Дара в одиночку отвечает за лекарства, Астрид – мой советник. Джек отвечает за технику. У Альберта сейчас работают двадцать четыре человека, охраняют «Ральфс» и распределяют провизию. Считаю меня, семьдесят восемь человек занято различной работой.

– Это когда они соизволят явиться, – громко вставила Мэри Террафино. Это вызвало нервные смешки, но Мэри не улыбалась.

– Верно, – согласился Сэм. – Когда изволят явиться. Вот в чём дело, нам нужно больше работников. Нам нужны люди, которые соберут урожай.

– Мы всего лишь дети, – сказал один пятиклассник и захихикал над собственной шуткой.

– А скоро станете голодными детьми, – отрезал Сэм. – Умирающими от голода детьми. Слушайте: мы скоро начнём умирать от голода. В прямом смысле. Умирать.

Он повторил последнее слово, вложив в него столько смысла, сколько было возможно.

Астрид предупреждающе посмотрела на него, и Сэм глубоко вздохнул.

– Простите. Я не хотел повышать голос. Просто дело действительно плохо.

Девочка-второклассница подняла руку. Сэм вздохнул, зная, чего ожидать, но всё равно позволил ей высказаться.

– Я просто хочу к маме.

– Мы все хотим, – нетерпеливо ответил Сэм. – Мы все хотим вернуть прежний мир. Но, похоже, мы не сможем этого сделать. Так что мы должны попытаться выжить в этом мире. А значит, нам нужна еда. И кому-то из детей придётся собрать урожай, погрузить его в машины, сохранить продукты, готовить их и... – Он развёл руками, осознав, что перед ним сидят ряды каменных лиц. – Ты совсем свихнулся с этим сбором овощей? – Это сказал Говард Бассем, который стоял в дальнем конце церкви, прислонившись к стене. Сэм не заметил, как Говард вошёл. Он огляделся в поисках Орка, но того не было видно. А Орк – это нечто такое... нет, некто, всё же пока некто такой, кого трудно... не заметить.

– Знаешь другой способ раздобыть еду? – спросил Сэм.

– Чувак, думаешь, никто не знает, что случилось с Е. З.?

Сэм напрягся.

– Разумеется, мы все знаем, что случилось с Е. З. Никто не пытается этого скрыть. Но, насколько мы знаем, черви только на одном капустном поле.

– Какие ещё черви? – требовательно спросил Хантер.

Очевидно, никто об этом не слышал. В эту секунду Сэму захотелось треснуть Говарда как следует. Последнее, что им сейчас нужно, – так это знать о незавидной участи Е. З.

– Я изучила одного червя, – сказала Астрид, видя, что терпение Сэма уже почти достигло предела. Она не стала подниматься на кафедру, просто встала и повернулась лицом к аудитории, которая к этому моменту навестила уши. Кроме двух детей, которые о чём-то повздорили между собой.

– Черви, которые убили Е. З. – мутанты, – продолжала Астрид. – У них две сотни зубов. Их организмы больше приспособлены для того, чтобы проходить сквозь тело, нежели сквозь землю.

– Но, насколько нам известно, они водятся только на одном поле: капустном, – подчеркнул Сэм.

– Я провела вскрытие червя, которого принёс Сэм, – сказала Астрид. – И обнаружила кое-что очень странное. У этих червей очень крупный мозг. То есть, мозг обычного червя настолько примитивен, что, если ему отрезать голову, червь продолжит жить, как ни в чём не бывало.

– Прямо как моя сестра, – пискнул один из ребят и тут же получил тычок в бок от сестры. Говард лениво приближался к центру помещения.

– Так, значит, черви, убившие Е. З., умные.

– Я не говорю, что они могут читать или решать квадратные уравнения, – сказала Астрид. – Но их мозг уже не скопление клеток, которые отвечают за негативный фототропизм, а полноценный мозг с отдельными полушариями и чётко дифференцированными, явно специализированными участками.

Сэм опустил голову, пряча улыбку. Астрид прекрасно умела объяснять всё простыми словами. Но когда кто-то её раздражал – как это сейчас делал Говард, – она начинала сыпать многосложными конструкциями, что заставляло оппонента почувствовать себя идиотом.

Говард остановился, видимо, парализованный словом «фототропизм». Но быстро пришёл в себя.

– Слушай, короче, если ступишь на поле, где водятся эти твари, эти кровососы, прикончившие Е. З., эти... зики, то ты труп. Так?

– Размер их мозга подтверждает вероятность того, что эти существа склонны к территориальности. Исходя из наблюдений Сэма, Эдилио и Альберта, я сделала вывод, что черви не выходят за пределы своей территории. В данном случае, капустного поля.

– Да? – сказал Говард. – Ну, а я знаю парня, который спокойно пройдёт по этому вашему полю.

Вот опять, подумал Сэм. В случае с Говардом всё неизбежно рано или поздно сводилось к Орку.

– Возможно, ты прав, и Орк окажется для них неуязвим, – сказал Сэм. – И что?

– И что? – эхом отозвался Говард. Он ухмыльнулся. – А то, Сэм, что Орк может собрать эту твою капусту. Но, конечно, от тебя потребуется кое-что взамен.

– Пиво?

Говард кивнул, может быть, слегка смущённо, но лишь слегка.

– Пиво ему по вкусу. Сам-то я мог бы и перебиться. Но, поскольку я менеджер Орка, мне тоже полагается.

Сэм сжал зубы. Но это и правда могло стать решением проблемы. В магазине «Ральфс» у них ещё осталось немного пива.

– Если Орк хочет попробовать, я не против, – сказал Сэм. – Обсудите это с Альбертом. Но Астрид была не в восторге.

– Сэм, Орк явно страдает от алкоголизма. А ты хочешь снабжать его пивом?

– Банка пива в день за работу, – сказал Сэм. – Этим Орк сильно не накачается...

– Ну уж нет, – возразил Говард. – Орку нужен ящик в день. Четыре кассеты по шесть бутылок. В конце концов, работёнка не из лёгких: собирать капусту в поле.

Сэм бросил взгляд на Астрид. Выражение её лица не изменилось. Но на Сэме лежала ответственность за триста тридцать одного человека. Орк, возможно, и впрямь неуязвим для тварей. К тому же, он так силен, что соберёт тридцать тысяч фунтов капусты всего за неделю.

– Поговори с Альбертом после собрания, – сказал Сэм Говарду.

Астрид хоть и кипела от ярост молча села на место. Говард шутливо ткнул мизинцем в сторону Сэма, как бы скрепляя соглашение.

Сэм вздохнул. Собрание шло совсем не так, как он планировал. Как всегда. Он понимал, что дети есть дети, поэтому привык к постоянным выкрикам и глупостям от детей помладше. Но тот факт, что так много старших ребят, семи- и восьмиклассников, даже не соизволили явиться, удручал.

Что ещё хуже, от всех этих разговоров о еде Сэму ужасно хотелось есть. Обед был так себе. Чувство голода теперь почти никогда не отступало. От этого внутри словно зияла пустота. Голод занимал все его мысли, когда думать нужно было о другом.

– Слушайте, народ, я ввожу новое правило. Оно покажется суровым. Но это необходимо. Слово «суровый» привлекло внимание почти всех присутствующих.

– Мы не можем позволить ребятам целыми днями сидеть на диване, рубиться в «Wii» и смотреть DVD. Нам нужны люди для работы в поле. Так что правило следующее: все дети от семи лет и старше должны три раза в неделю отправляться на сборы овощей и фруктов. Затем Альберт организует заморозку или другой способ сохранить их.

В зале воцарилась мёртвая тишина. Одни пустые взгляды.

– До завтра мы подготовим два школьных автобуса. В каждом поместится около пятидесяти детей, и нам нужно их заполнить, потому что по плану у нас сбор дынь, и работы не-проворот.

Ещё больше пустых взглядов.

– Ладно, объясню проще: собирайте всех своих братьев, сестёр, друзей – всех, кто от семи и старше, завтра на площади в восемь утра.

– Но как же...

– От вас требуется просто явиться, – сказал Сэм, но получилось не так строго, как ему хотелось. Отчаяние потихоньку спадало, уступая место усталости и подавленности.

– Просто явиться, – эхом повторил кто-то нараспев.

Сэм опустил веки, и на секунду могло показаться, будто он уснул. Затем он открыл глаза и выдавил слабую улыбку.

– Прошу вас. Приходите, – тихо сказал он.

Сэм спустился по трём ступенькам и вышел из церкви, чувствуя в глубине души, что на его зов мало кто откликнется.

Глава 7

88 часов, 54 минуты

– ТОРМОЗИ ТУТ, Панда, – велел Дрейк.

– Почему это? – Панда сидел за рулём внедорожника. Он постепенно становился всё более уверенным водителем, но оставался всё тем же Пандой и никак не мог выжать более тридцати миль в час.

– Потому что я так сказал, вот почему, – раздражённо ответил Дрейк.

Клоп понимал, почему они остановились. И Клоп знал, почему это беспокоит Дрейка. Они не могли так рисковать – ехать к АЭС по автостраде. За те три месяца, пока Кейн страдал от галлюцинаций и выкрикивал всякую дичь, ребята из «Коутс» неотвратно теряли силы, в то время как их противники из Пердидо-Бич решительно двигались вперёд. Да, Дрейк организовал налёт на «Ральфс», но ни на что большее он не осмеливался.

Клоп знал. Он много раз бывал в Пердидо-Бич. Еда у них тоже наверняка заканчивается, но всё равно у них больше запасов, чем в «Коутс». Клопа это бесило ещё сильнее, ведь он-то мог бы выкрасть ещё еды, но его хамелеонья маскировка не распространялась на предметы, которые он брал в руки. Лучшее, на что он был способен, – это стащить пачку сухого супа или редкий батончик «Пауэрбар», сунув под рубашку. Хотя теперь «Пауэрбаров» не найдёшь. Как и сухого супа.

– Ладно, Клоп, отсюда пойдём пешком, – сказал Дрейк. Он распахнул дверь и прыгнул на дорогу. Клоп пододвинулся на его сиденье и вылез рядом с Дрейком.

Настоящее имя Клопа было Тайлер. Товарищи по «Коутс» считали, что прозвище у него появилось благодаря безоговорочному согласию делать всякие дикости на спор – в том числе, поедать насекомых. Дети бросали ему вызов, а он обычно спрашивал: «А что мне за это будет?» В былые времена Клоп частенько выигрывал таким способом то деньги, то сладости.

Он не брезговал почти никакими жуками. Ему даже нравилось, как насекомые корчились, когда его зубы сжимались, обрывая их крохотные жизни.

Но прозвище появилось ещё до того, как он оказался в «Коутс» и приобрёл репутацию парня, который способен на всё. Кличка «Клоп» приклеилась к нему после того, как в старой школе его поймали на том, что он записывал на диктофон родительские собрания. А потом выкладывал записи на «Фейсбук», позоря на весь класс детей с психологическими проблемами, неспособностью к обучению, недержанием мочи.

Клопа отправили в «Коутс» не в качестве наказания, а для его же собственной безопасности.

Клоп нервно дёрнулся в сторону, когда Дрейк расправил щупальце, вытянул его, а затем снова обернул вокруг себя. Клопу Дрейк не нравился. Он никому не нравился. Но если уж их застукают на пути к АЭС, то, думал Клоп, Дрейк прекрасно справится в бою и один, а сам он просто исчезнет. Ночью он становился абсолютно невидимым.

Панде оставили чёткую инструкцию: пока они не вернутся, ждать на месте. То есть на просёлочной дороге, которая переходила от асфальта к гравию и обратно, словно те, кто её строил, никак не могли определиться с покрытием.

– До главной дороги ещё добрых две мили, – сказал Дрейк. – Так что не отставай.

– Я есть хочу, – пожаловался Клоп.

– Все хотят, – отрезал Дрейк. – Заткнись и не ной.

Они сошли с дороги и оказались в землях, похожих на фермерские угодья. Идти было тяжело: всё поле покрывали борозды, того и гляди оступишься. Тут что-то росло, но Клоп

понятия не имел, что именно, просто какие-то растения. Он подумал, а нельзя ли их съесть? Вот до чего довёл голод.

Может, на электростанции осталось хоть немного еды. Может, он сумеет её отыскать, пока исследует место.

Ребята шли молча. Дрейк не был любителем поболтать, да и Клоп тоже.

Огни шоссе виднелись издалека. Даже теперь, глядя на эти огни, было невозможно не думать о людных заправках, ярких вывесках «Вендис» и «Бургер Кинг», кишаших людьми в магазинах, о легковушках и грузовиках. Весь юг Пердидо-Бич представлял собой длинную череду подобных ресторанчиков, а ещё продуктовых магазинов «Супер Таргет» и лавок со сладостями от «Сиз», где...

Мысль о том, что всё это осталось там, за стеной УРОДЗ, казалась Клопу невыносимой. Если там, за стеной, ещё хоть что-то оставалось.

Сладости от «Сиз». Клоп готов был ухо себе отрезать, лишь бы побыть пять минут в этом магазине. Особенно ему нравились сладости с орешками. А, да, и ещё те, с малиновым кремом. И в коричневом сахаре. И те, с карамелью, тоже были неплохи.

И ничего этого уже не достать. У него потекли слюни. Живот скрутило от боли.

В УРОДЗ так тихо, подумал Клоп. Тихо и пусто. А если план Кейна осуществится, то станет ещё и темно.

Освещены были только некоторые участки автострады. Та часть, что шла через город, и эта, ведущая к АЭС. Клоп с Дрейком старались держаться подальше от фонарей.

Клоп посмотрел налево, в сторону города. Ни намёка на движение по дороге. Справа тоже ничего. Клоп знал, что по ту сторону шоссе, чуть ниже по подъездной дороге, стоит сторожевая будка. Но это не должно было стать проблемой.

– Не выходи на дорогу, иди по пересечённой местности, – сказал Дрейк.

– Что? Почему? Меня же никто не увидит.

– На электростанции могут быть инфракрасные камеры слежения, придунок, вот почему. Мы не знаем, видно тебя на них или нет.

Клоп согласился, что это может усложнить дело. Но перспектива ещё пару миль топтать вверх и вниз по высокой траве, пытаясь не свалиться в невидимые ямы, не очень-то радовала. Он наверняка заблудится. А значит, ни за что не успеет вернуться к завтраку.

– Ладно, – сказал он, даже и не думая подчиняться.

Вдруг щупальце Дрейка обвилось вокруг него. Дрейк сжал его достаточно крепко, но так, чтобы Клоп мог дышать.

– Это важно, Клоп. Не облажайся. – Дрейк сверлил его ледяным взглядом. – А знаешь, что будет, если облажаешься? Я с тебя шкуру спущу.

Клоп кивнул. Дрейк отпустил его.

Клоп вздрогнул, когда щупальце поползло прочь. Оно было похоже на змею. Очень похоже. А Клоп терпеть не мог змей.

Включить камуфляж не составляло труда. Клопу было достаточно подумать об исчезновении и провести ладонями перед собой, словно разглаживая рубашку. Он видел, как Дрейк озадаченно глазеет на него: его глаза явно не могли определить, где именно стоит Клоп. Он знал, что стал невидимым. И показал Дрейку средний палец.

– До скорого, – сказал Клоп и перешёл на другую сторону шоссе.

Клоп не выходил на дорогу, пока не отошёл подальше от Дрейка. В небе виднелся месяц, но совсем узкий краешек, в свете которого разглядеть можно было разве что попадающиеся иногда камни да странные пучки травы. Он наткнулся на низко нависшую ветку и упал, сев на зад; изо рта пошла кровь, место ушиба болело.

После этого он вернулся к дороге. Шоссе тянулось, извиваясь, высоко над поблескивающим океаном, на который открывался прекрасный, хоть и тревожный вид. Отчего-то океан всегда казался Клопу зловещим.

Клоп решил, что, если его и засекут инфракрасные камеры – что ж, очень плохо. Он всегда может переметнуться на сторону врага, как Джек-Компьютер. Конечно, тогда у него будут большие неприятности, если он когда-нибудь попадётся в лапы Дрейку.

К угрозам Дрейка Клоп относился серьёзно. Очень серьёзно.

Клопа часто били. Отец не скупился на подзатыльники, а когда напьётся, мог и ударить. Но он никогда не переходил границ: боялся, что мать Клопа может лишить его родительских прав. Не сказать, что отец так уж сильно любил сына – нет, просто он ненавидел его мать и ни за что не позволил бы ей взять над ним верх.

Когда всё было совсем плохо – отец напивался со своей подружкой, и они ругались, – Клоп научился прятаться. Его любимым местом стал чердак, всегда доверху забитый коробками, под которыми оставалось место. Клоп заползал туда, под самый навес крыши, и лежал в безопасности между балок. Там отец ни разу его не нашёл.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Клоп увидел ярко освещённую электростанцию. Свет блеснул сквозь неровность холма, из-за поворота дороги лилось свечение. Спустя ещё одну вечность Клоп оказался у второй сторожевой будки, возле которой поперёк дороги и в обе стороны от неё тянулась сетка-рабица с колючей проволокой.

Кейн предполагал, что этот забор, который раньше видел лишь один ребёнок из «Коутс», может быть под напряжением. Клоп не хотел рисковать. Он пошёл вдоль сетки вверх по холму, по заросшему полю, пока не отошёл от будки на сотню ярдов. Затем подобрал палку и стал ковырять землю под забором. Глубокий подкоп был не нужен, он худой, пролезет.

Клоп чувствовал себя очень уязвимым. Работая палкой, он демаскировал себя: у палок нет способностей к камуфляжу. Месяц, который до этого момента, казалось, едва светил, теперь превратился в прожектор, бьющий прямо в него. Да и сама АЭС, ярко выделяющаяся на фоне темноты, казалась огромным ужасным чудовищем, сгорбившимся на берегу океана.

Клоп пролез под забором ногами вперёд. Грязь забилась под рубашку, но хотя бы его не ударило током. Не то чтобы он и впрямь верил, будто забор под напряжением, но осторожность лишней не бывает.

Клоп встал, отряхнулся и зашагал вниз по холму к электростанции.

Очень хотелось есть. Он будет шпионить, сделает всё, что велит ему Дрейк. Но сначала он поищет еду.

* * *

Сэм пытался уснуть. Спать хотелось отчаянно.

Он лежал в свободной спальне в доме, где жили Астрид, Мэри и Джон. В темноте. На спине. Глядя в потолок.

На кухне на первом этаже стояло полдюжины банок с едой. Он был голоден. Но уже съел свою дневную норму. Сэм должен подавать хороший пример.

Но всё же он был голоден, а голоду плевать на примерное поведение.

Еда внизу. И спальня Астрид дальше по коридору.

Тоже голод, хоть и немного другой. Но и в этом случае он должен вести себя примерно.

«Я сплошной ходячий пример», – мрачно повторил Сэм про себя.

Вряд ли Астрид стала бы... хотя, откуда он мог знать наверняка?

В голове безостановочно крутились пункты из списка дел, которые он должен выполнить. Надо организовать сбор урожая. Надо заставить всех приносить мусор в одно общее место: крысы и так уже заполонили ночные улицы, перебегая от одной кучки отбросов к другой.

Надо составить полный список детей младшего возраста, живущих вместе с ребятами постарше. Некоторые пяти- и шестилетки жили одни. Это безумие. И это опасно. На прошлой неделе один из них уронил фен в ванну, и во всём доме вырубилось электричество. Повезло ещё, что никого не убило током. А за две недели до этого второклассник, живущий сам по себе, поджёт свой дом. Судя по всему, нарочно. Хотел, чтобы на него обратили внимание – хоть кто-нибудь. Огонь поглотил три дома, полквартиры, прежде чем кто-то сообщил в пожарную часть. К тому времени, как Эллен приехала на место происшествия на огромной пожарной машине, огонь уже почти потух сам собой.

Мальчишка выжил, но пострадал от тяжёлых ожогов, которые исцелила Лана. Но перед этим ребёнок несколько часов корчился в агонии от невыносимой боли.

Астрид ещё не спит? Она тоже просто лежит в темноте? Как и он? И думает о том же?

Нет. Она думает о том, какой же Сэм идиот, раз позволил Альберту подкупить Орка пивом. Думает, у него совсем не осталось моральных принципов. Думает, он сдаёт позиции.

Может, это и так.

Но мысли делу не помогут. Не помогут, когда нужно поспать. Не помогут выполнить список необходимых дел – и невыполнимых в том числе.

Неужели это не сумасшествие – то, что он начал мечтать о банке чили, последняя более-менее вкусная еда, которую он ел? Как давно это было? Неделю назад? Сэм мечтал о консервированном чили. О гамбургерах. О мороженом. О пицце. И об Астрид, в её постели.

Он подумал: каково это – быть пьяным? Помогает ли это обо всём забыть? Хотя некоторые из детей и начали потихоньку выпивать, алкоголя в УРОДЗ всё ещё было навалом.

Может ли он их остановить? И должен ли об этом волноваться? Если уж им суждено умереть от голода, почему бы не позволить им пить?

Маленькие дети, пьющие ром. Он видел это своими глазами. Дети, пьющие водку. Они корчили ужасные гримасы – вкус отвратительный, рот обжигает, – а потом делали следующий глоток.

На прошлой неделе двое детей отравились едой: откопали что-то среди мусора. Ребята приковыляли в так называемую «больницу» Дары с лихорадкой. Жар под сорок градусов. Рвота. Их рвало водой с «Тайленолом», которым Дара пыталась их лечить. Слава богу, у них есть Лана, она спасла ребят, но те побывали на волосок от гибели. Сила Ланы куда лучше справлялась с ранениями и сломанными конечностями.

А ведь будут новые удары током. Новые пожары. Новые отравления. Новые несчастные случаи. Как тот мальчик, который свалился с крыши. Он выпал со второго этажа, и никто этого не заметил. Позже сестра нашла его тело.

Его похоронили на городском кладбище, рядом с жертвами битвы.

Кейн тоже никуда не делся. Дрейк. Вожак. Все они были где-то там. Сэм обманывал сам себя, поверив, будто с ними покончено, до тех пор, пока Дрейк со своей шайкой не обнесли «Ральфс».

В старые времена, если у тебя было немного денег, можно было сделать всего один звонок – и полчаса спустя курьер из «Папа Джонс» приносил тебе огромную пиццу.

Расплавленный, пузырчатый, коричневый сыр. Жирная пепперони. Вот так запросто. Сэм бы сейчас душу продал ради пиццы.

Астрид верила в бога, так что нет, она не лежала в постели, думая о нём. Это почти исключено. Хотя во время поцелуя она не пыталась отстраниться. Астрид любила Сэма, и он это точно знал. И тоже любил её. Всем сердцем.

Но были и другие чувства, помимо любви. Связанные с любовью, но совсем другого характера.

А китайская еда? О, боже, эти маленькие картонные коробочки с курочкой в кисло-сладком, лимонном или сычуаньском соусе. Раньше он никогда не был фанатом китайской кухни.

Но это куда лучше лимской фасоли из банок, полусваренной фасоли пинто и лепёшек из муки, масла и воды, которые вечно подгорали на плите.

Наверняка скоро кто-нибудь придёт разбудить его, вот только он так и не уснул. Каждую ночь кто-то приходит. «Сэм, что-то горит. Сэм, кому-то плохо. Сэм, мальчик разбил машину. Сэм, мы поймали Орка, он напился и бил окна безо всякой причины».

И никогда никто не обрадует: «Сэм, привезли пиццу».

И Астрид не войдёт и не скажет: «Сэм, я к тебе».

Его подхватили волны сна. Вошла Астрид. Она остановилась на пороге, прекрасная в своей просвечивающей ночной рубашке, и сказала: «Сэм, всё хорошо, Е. З. жив».

Даже во сне Сэм понимал, что это сон.

Спустя час появилась Тейлор, просто телепортировалась в комнату – она называла это «прыжком», – и сказала:

– Сэм, вставай.

Это уже наяву. Тейлор часто приносила плохие новости. Либо она, либо Брианна, смотря кто из них оказывался ближе к месту событий. Эти двое были самым быстрым способом коммуникации.

– Ты знаешь Тома? Тома О’Делла?

Сэм, кажется, не знал. Он не мог сконцентрироваться. Похоже, ещё не до конца проснулся.

– В общем, Том подрался с девочками-соседками: Сэнди и... не помню, как зовут вторую. Он довольно тяжело ранен, Сэнди врезала ему шаром для боулинга.

Сэм спустил ноги на пол, но глаза его так и слипались.

– Что? Почему она ударила его шаром для боулинга?

– Говорит, Том убил её кошку, – сказала Тейлор. – И поджарил на мангале на заднем дворе.

Наконец, затуманенный мозг Сэма понял, в чём дело.

– Ладно. Ладно.

Он встал и пошарил рукой в поисках джинсов. Прошли те времена, когда Сэм стыдился быть застуканным в нижнем белье.

– Вот, – Тейлор протянула ему джинсы.

– Прыгай обратно. Скажи им, я сейчас буду.

Тейлор исчезла, и Сэм на секунду засомневался, не очередной ли это сон. В конце концов, помочь мёртвой кошке он уже ничем не мог.

– Подавай хороший пример, – пробормотал он себе под нос, на цыпочках проходя мимо спальни Астрид.

Глава 8

88 часов, 52 минуты

ОРСЕ ПЕТТИДЖОН СТОЯЛА как вкопанная. Двое детей, единственные человеческие существа, которых она видела за последние три месяца, и оба странные, пугающие. А один из мальчиков был и вовсе чудовищным.

Один – кто-то наподобие демона с толстым щупальцем на месте правой руки.

Другой... она даже не сразу поняла, что здесь был кто-то ещё. Только появился, и вот снова исчез.

Мальчик со страшным щупальцем смотрел вслед невидимке. Ну, не совсем невидимке, поняла Орсе, когда мальчик вышел на освещённое место, но почти. Потом мальчик со змеиной рукой вздохнул, выругался себе под нос и открыл скрипящую дверь «Тойоты», которая почему-то стояла в пятидесяти футах от дороги.

Мальчик, судя по всему, хотел открыть окно, но аккумулятор сел. Тогда он вытащил пистолет, прицелился в окно со стороны водителя и выстрелил. Звук был такой громкий, что Орсе ахнула. Она уже хотела сменить местоположение, но её вскрик утонул в звоне разбивающегося стекла.

Орсе пригнулась в темноте, ближе к земле, и ждала. Мальчик со змеиной рукой почти наверняка уснёт.

И тогда это начнётся снова.

Орсе жила на станции рейнджеров в национальном парке «Стефано Рей», когда все исчезли.

Она не понимала, что происходит.

Была напугана.

Но вместе с тем испытывала и облегчение.

Всего за три месяца до этого она умоляла отца помочь ей.

– О чём ты? – спросил тогда отец. Он был полностью сосредоточен на документах. У рейнджеров вечно полно бумажной волокиты. Рейнджеры не только помогают искать заблудившихся туристов и следить, чтобы отдыхающие не спалили лес, поджаривая зефир на кострах.

Орсе хотела, чтобы отец обратил на неё внимание. Полностью. А не слушал её краем уха, в то время как сам был в действительности занят работой.

– Пап, я, кажется, схожу с ума или что-то вроде того.

Это заявление заставило его осторожно посмотреть на дочь.

– Ты опять о том, чтобы встретиться с мамой? Я уже говорил, она пока не может. Мама очень сильно тебя любит, но пока не готова к ответственности.

Это была ложь, но с благими намерениями. Орсе знала о наркотической зависимости матери. Знала о её поездках в реабилитационный центр, за каждой из которых следовал период нормальной жизни, когда она забирала Орсе, отвозила её в школу, устраивала скромные уютные семейные ужины. Всегда эти периоды длились ровно столько, что Орсе начинала думать: может быть, всё позади – но потом снова находила мамины «штуки», спрятанные глубоко в кухонном шкафу, или её саму, почти без сознания, растянувшуюся на диване.

Мама страдала от героиновой зависимости. Она долгое время хранила это в тайне, умело притворяясь, ещё в те ранние годы, когда была замужем за отцом Орсе и вся семья жила в Окленде. Отец Орсе работал в региональном штабе Службы национальных парков.

Но зависимость мамы Орсе становилась всё сильнее, и вскоре скрывать это стало невозможно. Потом был развод. Мама Орсе даже не пыталась бороться за опеку над дочерью. Отец устроился на работу в «Стефано Рей», чтобы быть подальше от города и от своей бывшей жены.

С тех пор Орсе вела одинокую жизнь. Вместо школы раз в день она подключалась по видеосвязи к классной комнате в Саннивейл.

Иногда она заводила недолгую дружбу с кем-нибудь из детей, которые вместе с родителями приезжали отдохнуть в палатках. Они могли весело провести пару ней, плавая, рыбача и гуляя. Но ребята приезжали, и тут же уезжали.

– Пап. Я вообще-то пытаюсь рассказать кое-что важное. Дело не в маме. А во мне. Со мной что-то не так. В моей голове творится что-то очень, очень странное.

– Милая, ты же подросток. Конечно, в твоей голове происходят странные вещи. Иначе ты не была бы подростком. В твоём возрасте нормально думать о... ну, обо всяк...

И тут отец просто исчез.

Был.

И нету.

Она подумала, что у неё начались галлюцинации. Подумала, что безумие внезапно овладело ею.

Но отец действительно пропал. Так же, как и рейнджер Ассанте и рейнджер Круз и рейнджер Своллоу.

Как и все в палаточном лагере Мэн-Вест.

Спутниковая связь не работала. Сотовые телефоны не отвечали.

Весь первый день она занималась поисками, но так никого и не нашла. По крайней мере, ни на одной из тех полян, до которых можно было легко добраться.

Она была в ужасе.

Но той ночью Орсе почувствовала, как её измученный разум погружается в тишину. Впервые за последние несколько недель.

Жуткие, мрачные, сумасшедшие образы людей и мест, которые она не знала, исчезли. На их месте воцарилось... ну, не совсем спокойствие. Но тишина. Её разум и мысли снова принадлежали ей.

Несмотря на свой страх, Орсе уснула. Реальность превратилась в кошмар, но, по крайней мере, это был её собственный кошмар.

На второй день Орсе бродила до тех пор, пока не наткнулась на барьер. И тогда она поняла: что бы с ней ни происходило, это не сон.

Барьер оказался непроницаемым. Прикасаться к нему было больно.

Дорога на север оказалась перекрыта. Единственный открытый путь вёл на юг, в сторону отдалённого городка Пердидо-Бич, который находился почти в двадцати милях от парка.

Орсе удержалась. Ей было отчаянно одиноко, но она уже привыкла к этому. А того, что она снова почувствовала себя нормальной, оказалось почти достаточно, чтобы компенсировать полную изоляцию.

В кладовой у рейнджеров нашлось немало еды, а когда те припасы закончились, Орсе перешла на еду в лагере.

Поначалу она думала, что кроме неё в живых не осталось никого. Но потом заметила группу ребят в лесу. Их было пятеро. Четверо мальчиков и одна девочка, все примерно одного с Орсе возраста, за исключением младшего – тому на вид было года четыре или пять.

Она какое-то время следила за ними, стараясь не попадаться им на глаза. Компания вела себя достаточно шумно, и их было хорошо слышно на расстоянии. Им явно не хватало навыков Орсе, которая прекрасно умела выживать в лесу.

Той ночью, по мере того как они засыпали, Орсе подкрадывалась всё ближе, гадая, надеясь...

А потом началось.

Первый сон принадлежал мальчику по имени Эдилио. Вспышка за вспышкой, яркие дневные видения, полные действий: огромная лодка, летящая по воздуху, падает ему на голову; гостиница на вершине горного хребта; гонка по воде.

Позади снов Эдилио роились сны мальчика по имени Квинн. Эти сны были печальными, тёмными и мрачными, полными эмоций; лишь некоторые тёмные фигуры приносили в них какую-то жизнь.

Но тут у маленького четырёхлетнего мальчика началась стадия быстрого сна, и его видения затмили все остальные. Словно сны других крутили по маленьким телевизионным коробкам, в то время как его показывали на экране IMAX с объёмным звуком.

Картинки ужасной опасности.

Картинки потрясающей красоты.

Вещи прекрасные, и в то же время ужасающие.

В этом не было никакой логики. Никакого смысла. Но невозможно было отвернуться, невозможно укрыться от потока изображений, звуков, чувств. Для Орсе это было всё равно что пытаться устоять перед торнадо.

Этот мальчик, Малыш Пит, видел её. Такое часто бывало со спящими, хотя они обычно не понимали, кто она такая и как здесь очутилась. Как правило, все игнорировали её, как один из бессмысленных элементов, случайно появляющихся во сне.

Но Малыш Пит возник в своём собственном сне и подошёл к ней. Посмотрел прямо на неё.

– Будь осторожна, – сказал Малыш Пит. – Там чудовище.

И только тогда Орсе почувствовала присутствие чего-то тёмного у себя за спиной. Это присутствие ощущалось как чёрная дыра, поглощающая свет из сна Малыша Пита.

У тёмного существа было имя. Орсе не видела в нём никакого смысла. Она никогда не слышала такого слова. Во сне она отвернулась от Малыша Пита лицом к тьме, чтобы спросить об этом имени. Узнать, что значит «Геяфаг».

Но Малыш Пит улыбнулся, едва заметно. Мальчик отрицательно покачал головой, словно предостерегая глупого ребёнка, чтобы тот не трогал раскалённую печку.

И Орсе проснулась, её выгнали из сна, словно непрошенного гостя с вечеринки.

Теперь, спустя несколько месяцев, она до сих пор морщилась от одного воспоминания об этом. Но в то же время жаждала этого. Каждую ночь с тех пор ей хотелось ещё разок прикоснуться к спящему разуму Малыша Пита. Она наслаждалась фрагментами, которые удавалось вспомнить, пытаясь снова вызвать то чувство, но всегда тщетно.

Еда почти закончилась, дело дошло до сухих пайков: готовых порций, чрезмерно солёных, расфасованных по специальным пакетам; так питаются солдаты и некоторые люди в походах. Орсе убеждала себя, что вышла из леса в поисках еды. Только еды, ничего больше.

Теперь, укрывшись в темноте, Орсе наблюдала с безопасного расстояния, как реальный монстр – мальчик с толстым, мощным щупальцем на месте правой руки, – прощается с другим мальчиком, и тот просто исчезает.

Она дождалась, пока монстр сдастся и уснёт.

А потом – о да, какие странные видения!

Дрейк. Так его звали. Это имя эхом звучало в голове у девочки.

Дрейк Мервин.

Кнutorукий.

Время тянулось очень медленно, пока она бродила по снам, полным боли и ярости. Ей приходилось прикрывать себя от физической агонии, воспоминания о которой переполняли сны мальчика.

Во сне Дрейка Орсе видела другого мальчика, мальчика с пронзительным взглядом; он заставлял предметы летать по воздуху.

И ещё одного, который умел ладонями испускать огонь.

Затем она увидела девочку, темноволосую, темноглазую красотку. А потом воспоминания, полные злобы и обиды, стали перетекать в кое-что похуже.

Гораздо хуже.

Несколько недель, ещё до великого исчезновения, Орсе мучили сны, от которых она никак не могла избавиться; многие из этих снов принадлежали взрослым и были наполнены взрослыми сюжетами, которые её смущали.

Но никогда прежде она не бывала в таком сне.

Её трясло. Казалось, она разучилась дышать.

Хотелось отвернуться, уберечь себя от созерцания мерзких снов больного мальчишки. Но в этом и состояло её проклятие: она не могла блокировать сны. Её будто привязывали к стулу, силой раскрывали глаза и заставляли смотреть на тошнотворные образы.

Только расстояние могло её защитить. Всхлипывая, Орсе стала отползать, туда, к пустыне, не обращая внимания на камни, которые резали её колени и ладони.

Сны стали тускнеть. Постепенно дыхание Орсе выравнилось. Покинуть лес было ошибкой, ужасной ошибкой.

Она убедила себя, будто идёт искать еду. Но в глубине души понимала, что покинуть лес ей хотелось по другой, более глубокой причине. Орсе скучала по человеческому голосу.

Нет, это тоже не совсем правда.

Орсе скучала по снам. Хорошим, плохим. Оказалось, что она жаждет их. Нуждается в них. Не может без них.

Но только не этот сон. Только не этот.

Она сидела на песке, крепко зажмурившись, медленно покачиваясь вперёд и назад, пытаясь...

Щупальце обвилось вокруг неё, выдавило воздух их лёгких, прежде чем девочка успела хотя бы вскрикнуть.

Он стоял за спиной. Проснулся, услышав её движение, нашёл её, а теперь, теперь... О, боже...

Мальчик поднял её в воздух и повернул лицом к себе. Его можно было бы назвать красивым, если бы Орсе не знала, что скрывается за этим ледяным взглядом.

– Ты, – прошептал он, дыша ей прямо в лицо. – Ты вошла мне в голову.

* * *

Даже нашёл источник шума океана. Это и впрямь был океан.

По крайней мере, так ему казалось. Самого океана он не видел. Океан был чёрный, как и всё вокруг. Но он пах солью. И двигался, как должна двигаться огромная масса воды, то подступая к самым ногам Дака, то вновь отступая. Но мальчик ничего не видел.

Даже объяснял себе, что снаружи ночь, там, за выходом из пещеры. Поэтому он ничего и не может видеть. Теперь уже стало очевидно, что он в морской пещере, пещере, которую пробил в земле вода за долгое, долгое время. А значит, отсюда должен быть выход.

Даже представил себе, как пещера выводит его на пляж у «Вершин». Или ещё куда-нибудь неподалёку. Как бы то ни было, ключевое слово здесь: выводит.

Должна вывести.

– Ты всё повторяешь «должна», словно это как-то поможет, – сказал он.

– Нет, не повторяю, – возразил он сам себе. – Я только думал об этом, но вслух не произносил.

– Отлично. Теперь я спорю сам с собой.

– Не совсем, я просто размышляю вслух.

– Ну, тогда постарайся побольше думать и поменьше спорить.

– Эй, я тут торчу уже часов сто! Я даже не знаю, день сейчас или ночь. Кажется, прошло уже дня три!

Он наклонился и прикоснулся к песку. Вода текла сквозь пальцы. Холодная. Но всё вокруг было холодным. Дак уже давно замёрз. Когда не видишь, куда идёшь, идти приходится медленно.

Дак коснулся пальцев языком. Определённо солёные. Так что – да, это океан. А значит, да – эта пещера выходит в океан. А значит, остаётся большой вопрос: почему он не видит совсем никакого света?

Дак дрожал. Было так холодно. Он так проголодался. Его мучила жажда. И страх.

И вдруг Дак почувствовал: он здесь не один.

Этот шорох был не похож на плеск воды. Совершенно не похож. Звук был явно сухим. Словно кто-то растирал в ладонях опавшие листья.

– Эй! – окликнул Дак.

– Нет ответа, – прошептал он сам себе.

– Знаю, я слышу. В смысле, ничего не слышу. Тут кто-то есть?

Снова шорох. Звук доносился откуда-то сверху. За ним последовал писк, мягкий, но отчётливый. Теперь, когда от глаз не было никакой пользы, Дак не упускал ни единого звука. Слух – это всё, что у него осталось. Если что-то издавало звук, он это слышал. А что-то издавало звук.

– Вы летучие мыши? – спросил Дак.

– Ну да, будь это летучие мыши, они бы обязательно ответили.

– Мыши. Мыши – это не проблема, – бормотал он.

– Раз тут есть мыши, значит, откуда-то они прилетели, так? Мыши не могут всё время сидеть в пещере. У них должен быть выход наружу, чтобы вылетать на охоту и... и пить кровь.

Дак застыл, ожидая нападения летучих мышей. Он бы этого даже не увидел. Но, если они набросятся, он прыгнет в воду. Да. Или... или разозлится и начнёт опять проваливаться сквозь землю и будет сидеть там в безопасности.

– Ага, шикарный план: похоронить себя заживо.

Мыши – если это были они, – не проявили никакого интереса к идее нападения и высасывания его крови. Так что Дак вернулся к вопросу, что же делать дальше. В теории он мог бы нырнуть в воду и выплыть в океан.

В теории. В реальности же он не видел и собственной ладони, даже если поднести её к лицу.

Он присел в сухом углу пещеры, подальше от воды. К тому же, в этом месте странных шорохов было поменьше.

Мальчик дрожал, обхватив себя руками.

Как так получилось, что он оказался здесь? Он никогда не делал никому ничего плохого. Он даже не был плохим – самый обычный ребёнок. Такой же, как все остальные дети. Он просто хотел сидеть в Интернете, играть в игры, смотреть телевизор и слушать музыку. Хотел читать комиксы. И вовсе не хотел проваливаться под землю.

И вообще, что это за идиотская сверхспособность?

– Утопающий, – бормотал Дак.

– Тяжеловес, – продолжал он перечислять.

– Человек-дрель.

Тут не было ни единого шанса поспать. Но Дак смог. В течение худшей ночи за всю свою жизнь Дак Чжан то проваливался в странный кошмар, то выбирался из него; засыпал, снова

просыпался, балансировал между сном и явью, отчего ему казалось, будто он медленно сходит с ума. Ему снилась еда. В какой-то момент ему приснилось, будто за ним гонится кусок пиццы, хочет его съесть. И Даку хотелось, чтобы у пиццы это получилось.

Наконец, он проснулся и увидел...

Увидел!

Свет был туманный, но достаточно яркий.

– Эй! Я снова вижу! – закричал Дак.

Первым делом он увидел, что пещера выходит не на поверхность. Вход в неё скрывался под водой. Оттуда и шёл свет, проходящий сквозь голубовато-зелёный водный фильтр. До выхода вряд ли было очень далеко, наверное, не больше сотни футов, но, чтобы туда добраться, придётся нырять.

Во-вторых, пещера оказалась больше, чем предполагал Дак. Она расширялась настолько, что в ней можно было бы поставить пять или шесть школьных автобусов, и ещё осталось бы место.

В-третьих, он увидел летучих мышей.

Мыши свисали с потолка пещеры. У них были кожистые крылья и жёлтые мигающие глаза. Тысячи летучих мышей собрались в одну кучу.

И пристально смотрели на мальчика.

И только тогда он понял: мыши не остаются в пещере всю ночь, по ночам они охотятся, а днём прячутся.

Кроме того, обычно они не бывают голубого цвета.

И вдруг мыши начали падать с потолка, расправляя крылья. Дака окружило торнадо из кожистых крыльев.

Он нырнул в воду. Холодную, как лёд. И устремился вперёд и вниз, к свету. Под водой куда безопаснее, даже несмотря на акул, медуз или...

Вода вокруг него вспенилась и забурлила.

Дак закричал, пуская изо рта пузыри.

Тысячи летучих мышей плыли рядом, проплывали мимо, вертелись вокруг в водяном смерче, били его мокрыми крыльями, которые вдруг стали больше напоминать плавники.

Дак захлёбывался солёной водой, в панике отбивался руками и ногами.

Спустя пятнадцать секунд у него в лёгких закончился воздух. Но выхода ещё не было видно. Может, повернуть назад?

Он остановился. Замер. А хватит ли воздуха, чтобы доплыть обратно? А потом что? Учиться жить в пещере?

Отталкиваясь ногами, Дак пробивался вперёд, сам уже не зная, куда плывёт. Туда или обратно?

Или просто плавает по кругу?

Наконец, он выплыл. Его голова оказалась над поверхностью воды, а десять тысяч летучих мышей выскочили за ним, окружились над головой, а потом нырнули обратно в море в сотне ярдов от него.

До берега было недалеко. Нужно просто доплыть. Пока водные летучие мыши не вернулись.

– Только не сходи с ума, – бормотал Дак. – Сейчас не время тонуть.

Глава 9

82 часа, 38 минут

НАСТУПИЛО УТРО. Автобусы выстроились на площади. За рулём одного из них сидел Эдилио, зевая во весь рот. Эллен, начальница пожарной охраны, была за рулём другого. Маленькая, тёмненькая, очень серьёзная девочка. Сэм ни разу не видел, чтобы она улыбалась. Эллен казалась очень толковой, хотя особо серьёзных испытаний на её долю пока не выпадало. Но водить она умела хорошо.

К несчастью, ни у Эллен, ни у Эдилио в автобусах не набралось достаточно детей – везти было некого.

Астрид с Малышом Питом стояли неподалёку – моральная поддержка, подумал Сэм.

– Думаю, двух автобусов будет многовато, – сказал Сэм.

– Можно было бы обойтись и минивэном, – согласилась Астрид.

– Да что с ними не так? – вскипел Сэм. – Я сказал, нам нужна сотня человек, а пришло сколько, тринадцать? Пятнадцать?

– Это всего лишь дети, – сказала Астрид.

– Мы все дети. И мы все скоро станем голодными детьми.

– Они привыкли, что учителя или родители приказывают им, что делать. Ты должен быть более прямолинейным. Типа: «Эй, детишки, за работу. Живо», – она на секунду задумалась, а потом добавила: – «Иначе...»

– Иначе что? – спросил Сэм.

– Иначе... не знаю. Мы не должны никому позволить умереть с голоду. Если можем. Я не знаю, что – «иначе». Я знаю только одно: от детей нельзя ожидать, что они сами начнут действовать правильно. В смысле, когда я была маленькой, мама давала мне золотую звёздочку, когда я вела себя хорошо, и забирала, когда не очень.

– И что я должен делать? Запретить трём сотням ребят, живущим в семнадцати или девятнадцати разных домах, смотреть DVD? Отобрать айподы?

– Быть папочкой трёх сотен детишек нелегко, – признала Астрид.

– Я им не папочка, – почти прорычал Сэм. Очередная бессонная ночь в длинной череде аналогичных не лучшим образом сказывалась на настроении. – Я должен быть мэром, а не отцом.

– Эти дети не видят разницы, – заметила Астрид. – Им нужны родители. Поэтому они равняются на тебя. И на Маму Мэри. И даже на меня иногда.

Малыш Пит выбрал именно этот момент, чтобы взлететь в воздух. Он поднялся всего на фут, дюймов на восемнадцать, и завис, руки поплыли вверх, пальцы ног были направлены вниз.

Сэм сразу это заметил. В отличие от Астрид.

– Какого...

Сэм глазел на Пити, мигом забыв о пустых автобусах.

Малыш Пит парил в воздухе. Его неизменный спутник, геймбой, упал на землю. Прямо перед ним, всего в нескольких футах, что-то начало материализоваться.

По размеру это было не больше самого Малыша Пита. Красное, блестящее, украшенное золотом тело в виде кегли, и на нём кукольное лицо с безжизненными глазами.

– Нестор, – сказал Малыш Пит, он казался почти счастливым.

Сэм узнал её. Такая матрёшка стояла на комодике в комнате Малыша Пита. Русская игрушка: несколько одинаковых кукол – вернее, их оболочек, – которые вкладываются одна

в другую. Сэм не знал, сколько их всего. Как-то раз он спросил о них Астрид. Выяснилось, что это московский сувенир, который прислал их дядя, любитель путешествий.

Матрёшка предназначалась в подарок Астрид, но Малыш Пит немедленно вцепился в неё. И даже дал ей имя: Нестор. А поскольку Малыш Пит нечасто играл в игрушки, Астрид позволила ему забрать её себе.

– Нестор, – повторил Малыш Пит, но теперь уже с сомнением, озадаченно.

На глазах у ошеломлённого Сэма кукла начала меняться. Её гладкое лакированное лицо пошло рябью. Цвета смешивались, образуя новые линии. Игрушечное раскрашенное лицо становилось злым.

С обеих сторон выросли руки, два прутика. Прутики утолщались, обрастали плотью, на них появились когти.

И тут кукольное рисованное лицо раскрылось напополам, обнажив острые, как бритвы, зубы.

Малыш Пит потянулся к изображению, но парящее в воздухе существо, казалось, сделано из тефлона: руки Малыша Пита скользнули по его поверхности, словно он пытался поймать шарик ртути, но никак не мог ухватить.

– Нет рук, – сказал Малыш Пит.

Руки куклы сморщились, задрожали и превратились в дым.

– Пити. Прекрати, – прошипела Астрид.

– Что это? – тут же спросил Сэм. – Что это за тварь?

Астрид не ответила.

– Пити. Стул у окна. Стул у окна. – Это была фраза-триггер, при помощи которой Астрид успокаивала Малыша Пита. Иногда это срабатывало. Иногда нет. Но сейчас, глядя на Малыша Пита, Сэму не казалось, что тот расстроен – скорее, заморожен. Было странно видеть такой живой, даже разумный интерес на обычно бесстрастном лице Малыша Пита.

Кукла открыла рот. Она словно собиралась заговорить. Глаза смотрели прямо на Малыша Пита. Злобные, полные ненависти глаза.

– Нет, – сказал Малыш Пит.

Рот захлопнулся. Снова превратился в нарисованную линию. И злобные глаза пропали. На их месте опять возникли нарисованные краской кружочки.

Астрид издала звук, вроде всхлипа, но быстро подавила его. Она шагнула к Питу и сильно шлёпнула его по плечу.

– Прости, – прошептала она.

Эффект последовал незамедлительно. Существо исчезло. Малыш Пит упал и растянулся на жухлой траве.

– Ты уверена, что надо было... – начал Сэм.

Малыш Пит был способен... вообще-то, никто толком не знал, на что именно он способен. Сэм и Астрид знали лишь одно: Малыш Пит, несомненно, был самым могущественным мутантом в УРОДЗ.

– Я должна была его остановить, – мрачно отозвалась Астрид. – Всё хуже и хуже. Сначала появляется Нестор. Потом руки. Потом рот и глаза. Оно словно пытается ожить. Как будто... – она присела рядом с Малышом Питом и обняла его.

Сэм резко повернулся к автобусам. Ответом на его вопрос – заметил ли кто-нибудь, что случилось с Малышом Питом, – были ошеломлённые взгляды детей, прижавших к пыльным окнам носы.

Сонливость Эдилио как рукой сняло, он быстро шагнул к ним.

Сэм выругался себе под нос.

– Такое бывало раньше, Астрид?

Девушка дерзко задрала подбородок.

- Пару раз.
- Ты могла бы меня предупредить.
- Какого... в смысле, что это было, народ? – возмутился Эдилио.
- Спроси Астрид, – отрезал Сэм.

Астрид протянула Малышу Питу геймбой и осторожно поставила брата на ноги. Она опустила глаза, не желая встречаться с возмущенным взглядом Сэма.

– Я не знаю, что это. Думаю, что-то вроде кошмара наяву. – В её голосе явно слышались нотки отчаяния.

– Эта кукла, существо, что бы это ни было, – сказал Сэм. – Оно нападало на Пита, а Пит боролся с ним. Оно словно хотело ожить.

– Да, – прошептала Астрид.

Кроме них только Эдилио знал историю Малыша Пита. Именно Эдилио нашёл на электростанции видеокассету с записью момента ядерной катастрофы: перепуганный, ничего не понимающий Малыш Пит, который в тот день был на АЭС вместе с отцом, отреагировал на аварию, сотворив УРОДЗ.

Эдилио задал вопрос, который крутился в голове у Сэма:

– На Малыша Пита кто-то нападал? – спросил он. – Чувак, у кого или у чего хватит силы, чтобы сразиться с Малышом Питом?

– Мы не станем никому об этом рассказывать, – твёрдо сказал Сэм. – Если кто-нибудь спросит, говорите, что это просто...

– Просто что? – спросил Эдилио.

– Оптическая иллюзия, – Астрид помогла Сэму подобрать слова.

– Ну да, все поверят, – саркастически сказал Эдилио. Потом он пожал плечами. – А вообще, у детей есть и другие причины для волнений. Голодные не тратят сил на ненужные вопросы.

Если другие узнают о том, что сделал Пит... о его силе... он больше никогда не будет в безопасности. Кейн пойдёт на всё, лишь бы выкрасть, а то и убить этого странного малыша.

– Эдилио, пусть все садятся в автобус. Возьми пару своих ребят и объезжайте улицы. Стучите во все двери. Соберите как можно больше народу. Когда наберётся полный автобус, вези их на сбор дынь или ещё чего-нибудь.

Эдилио посмотрел на него с сомнением, но сказал:

– Окей, господин мэр.

– Астрид. Ты пойдёшь со мной. – Сэм зашагал прочь, и Астрид с Малышом Питом пошли за ним следом.

– Эй, вот только не вздумай командовать мной, – крикнула Астрид из-за его спины.

– Я был бы тебе благодарен, если бы ты сообщала мне, когда происходит что-то странное. Вот и всё. – Сэм шёл дальше, но Астрид догнала его и схватила за руку. Он остановился и виновато огляделся вокруг, чтобы убедиться, что никто не подглядывает издали.

– Что я должна была тебе сказать? – резким шёпотом спросила Астрид. – Что у Малыша Пита галлюцинации? Что он взлетает над землёй? И что бы ты стал с этим делать?

Сэм вскинул руки в успокоительном жесте. Но голос его звучал не менее гневно:

– Я просто пытаюсь быть в курсе, знаешь ли. Я будто играю в игру, правила которой постоянно меняются. Какие у нас сегодня правила? Ага, черви-убийцы и пятилетки с галлюцинациями. Я никак не могу на это повлиять, но было бы неплохо, если бы меня ставили в известность.

Астрид раскрыла было рот, чтобы что-то сказать, но сдержалась. Она несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Затем, уже более размеренным тоном, сказала:

– Сэм, я подумала, что тебе и без того слишком много свалилось на плечи. Я беспокоюсь о тебе.

Он уронил руки. Его голос тоже стал безжизненным.

– Я в норме.

– Нет, не в норме, – возразила Астрид. – Ты не высыпaeшьсe. У тебя нет ни одной свободной минуты. Ты ведёшь себя так, словно всегда во всём виноват. Ты всегда на нервах.

– Да, я на нервах, – согласился Сэм. – Прошлой ночью у нас один ребёнок убил кошку. Он рассказывал мне об этом, не переставая плакать. Он теперь всё время рыдает. У него тоже раньше жила кошка. Он любит кошек. Но он был так голоден, что схватил её и...

Сэм заставил себя замолчать. Прикусил губу и попытался стряхнуть с себя охватившее его отчаяние.

– Астрид, мы проигрываем. Проигрываем. Все сейчас... – он посмотрел на неё и почувствовал, как подступают слёзы. – Сколько пройдёт времени, прежде чем у нас произойдёт кое-что похуже убийства кошки?

Астрид не ответила, и Сэм продолжил:

– Да, потому я и на нервах. Оглянись вокруг. Что будет через две недели? Через две недели тут будет второй Дарфур³, или ещё что, если мы ничего не придумаем. А через три недели? Я даже думать об этом не хочу.

Он направился в сторону своего офиса, но по пути наткнулся на двух ребят, которые орали друг на друга, не видя ничего вокруг. Это были братья, Алтон и Далтон. Было очевидно, что они уже давно спорят.

При нормальных обстоятельствах на это можно было бы не обращать внимания – стычки между детьми происходили постоянно, – но у обоих мальчиков за плечами висели пистолеты-пулемёты. Сэм вечно жил в страхе, что кто-нибудь из солдат Эдилио совершит глупость с оружием в руках. Десяти-, одиннадцати- и двенадцатилетние дети с оружием – это вам не армия США.

– Ну, и что тут у нас? – рявкнул на них Сэм.

Далтон ткнул пальцем в брата.

– Он украл мои «Джуниор Минтс»⁴.

От одного упоминания «Джуниор Минтс» у Сэма заурчало в животе.

– У тебя были... – ему пришлось заставить себя переключить внимание со сладостей на ребят. Сладости! И как Далтон ухитрился спрятать сладости? – Всё ясно, – сказал Сэм и пошёл дальше. Но вдруг остановился. – Погодите-ка. А разве вы двое не должны сейчас дежурить на электростанции?

Ответил Алтон:

– Нет, наша смена была прошлой ночью. Утром мы приехали обратно на минивэне. И не крал я его дурацкие «Джуниор Минтс». Я даже не знал, что они у него есть.

– Тогда кто их взял? – горячо возмущался брат. – Я каждую смену съедал по две штучки. Одну в начале и одну в конце. Когда мы приступили к дежурству, я съел одну и пересчитал оставшиеся. Оставалось семь штук. А утром я хотел съесть ещё одну, но коробка была пустая.

– А тебе не приходило в голову, что это мог сделать кто-то из других ребят из охраны? – заметил Сэм.

– Нет, они не могли, – возразил Далтон. – Хезер Б. и Майк Дж. Были в сторожевой будке. А Джош всё время спал.

– Что значит – Джош всё время спал? – переспросил Сэм.

Братья виновато переглянулись. Далтон пожал плечами.

– Джош иногда спит. Но ничего же страшного: если что-то случится, он проснётся.

³ Дарфурский конфликт – начавшееся в 2003 году вооружённое противостояние между правительством, вооружёнными отрядами и повстанческими группировками в регионе Дарфур, Судан.

⁴ Мятные драже в шоколаде.

– Джош что, не следит за камерами наблюдения?

– Он говорит, что ничего не видел. Там всегда спокойно. Просто картинки: дорога, стоянка, холмы и всё такое.

– Но мы не спим. Почти, – добавил Алтон.

– Почти. И как часто это «почти»? – Ответа Сэм не дождался. – Ладно. Свободны. И прекратите спорить. Всё равно скрывать еду было незаконно, Далтон. Это послужит тебе уроком. – Сэму ужасно хотелось спросить, где мальчик нашёл конфеты и нет ли там ещё, но это было бы неправильно. Дурной пример.

И всё же Сэм задумался: что, если конфеты ещё остались? Завалялись где-нибудь? Где-то на территории УРОДЗ?

Автобус Эдилио тронулся с места. Эллиен поехала с ним, и Сэм подумал, что Эдилио мог бы остановиться и взять с собой парочку солдат, чтобы те помогли ему собрать детей на сбор урожая.

Сэм мог себе представить, какие сцены разыграются на порогах домов. Нытьё. Жалобы. Побег. А потом – ленивые, по большей части тщетные попытки сбора фруктов детьми, которые вовсе не желают часами работать под палящим солнцем.

В голове вспыхнул образ Е. З. Черви. Этим утром Альберт должен отвезти Орка на капустное поле, чтобы проверить утверждение Говарда, будто Орк неуязвим для червей. Хотя бы это сработало.

На долю секунды Сэм ощутил беспокойство: что, если черви распространились по другим полям? Но даже если так, то на бахче их точно нет. Их с капустным полем разделяет целая миля.

Миля – это далеко для червя.

* * *

– Пива мне, – взревел Орк.

Альберт протянул Говарду красно-синюю жестяную банку. «Будвайзер». Этого пива у Альберта было больше всего, а Орк не проявлял особой разборчивости в брендах.

Говард открыл банку и высунул её в окно со стороны водителя, а потом снова откинулся на спинку сиденья. Орк взял банку, пока они тряслись по грязной, изрытой ямами дороге.

Орк сидел в кузове грузовика. Он был слишком огромен и больше нигде не помещался, в том числе и в кабине. За рулём сидел Говард. Альберт расположился рядом с ним, придерживая большой переносной холодильник. На нём красовался логотип Калифорнийского университета в Санта-Барбаре. Холодильник был забит пивом.

– А знаешь, жаль, что мы не зависали вместе. Тогда, в старые времена, – сказал Говард Альберту.

– В те времена ты даже не подозревал о моём существовании, – ответил Альберт.

– Что? Да брось, чувак. Во всей школе нас, братан, всего-то дюжина, и чтобы я не заметил одного из нас?

– Да, Говард, у нас один цвет кожи. Но это ещё не делает нас друзьями, – холодно сказал Альберт.

Говард рассмеялся.

– Да уж, ты всегда был зубрилой. Постоянно за книжками. Слишком много рассуждал. Почти не веселился. Хороший мальчик, мамочкина гордость. А теперь глянь на себя: ты большая шишка в УРОДЗ.

Альберт проигнорировал это. Он был не в настроении предаваться ностальгии. Уж точно не с Говардом, да и вообще ни с кем. Прежний мир умер, его больше нет. Все мысли Альберта были сосредоточены на будущем.

Будто прочитав его мысли, Говард сказал:

– Ты всё время что-то планируешь, да? Так и есть, не отрицай. Весь в делах.

– Я делаю то же, что и все остальные: пытаюсь придумать, как выжить, – сказал Альберт.

Говард уклончиво продолжал:

– Знаешь, как я всё это вижу? Сэм – наш вожак. Без вопросов. Астрид с Эдилио? Ну, они не пустое место только потому, что вертятся вокруг Сэма. Но ты, чувак, ты сам по себе.

– И что это значит? – спросил Альберт, стараясь придерживаться нейтрального тона.

– На тебя работают две дюжины ребят, чувак. Ты отвечаешь за еду. Знаешь, что, только между нами? Я уверен, у тебя наверняка что-то припасено.

Альберт только моргнул в ответ на это.

– Если я скрываю где-то запас еды, чего я тогда сам такой голодный?

Говард засмеялся.

– Потому что ты – умный чувачок, вот почему. Я тоже умён. По-своему.

Альберт ничего не сказал. Он знал, к чему ведёт этот разговор. И не собирался помогать Говарду сказать то, что он хочет.

– Мы с тобой оба умны. Чёрные братаны в белом городишке. У тебя есть еда. У меня есть Орк. – Он ткнул большим пальцем в сторону монстра. – С твоими планами и амбициями тебе однажды может понадобиться сила.

Альберт повернулся к Говарду, он хотел подать ему ясный и недвусмысленный сигнал.

– Говард.

– Да?

– Я верен Сэму.

Говард откинул голову назад и расхохотался.

– Ой, чувак, да я же просто прикалываюсь. Мы все верны Сэму. Сэм, Сэм, наш предводитель – руки-лазеры.

Они подъехали к смертоносному капустному полю. Говард остановился и заглушил двигатель.

– Пива мне, – рявкнул Орк.

Альберт порылся в холодильнике, рука погрузилась в ледяную воду. Он протянул банку Говарду.

– Это последняя. Следующая – только после того, как он поработает.

Говард передал банку Орку.

Орк заорал:

– Открой её, придурок, я же не могу сорвать кольцо.

Говард взял банку и распечатал её. Раздался звук, будто кто-то открыл газировку, только запах был кислый.

– Извини, Орк, – сказал Говард.

Орк сжал банку в кулаке размером с мяч для боулинга и опустошил её.

Огромные пальцы Орка не могли справиться с чем-то мелким. Каждый палец был толщиной с палку салями. Каждый сустав на вид и на ощупь напоминал мокрую гальку. Серые камни, которые свободно примыкали друг к другу.

Всё его тело, за исключением нескольких квадратных дюймов – недовольно надутых губ, левой стороны лица, кусочка щеки и шеи, – было не то покрыто серым камнем, не то полностью вылеплено из него. Орк всегда был крупным, но теперь стал на целый фут выше и на несколько футов шире.

Его крохотная человеческая часть казалась самой жуткой. Будто кто-то срезал плоть с живого человека и приклеил к каменной статуе.

– Ещё, – проревел Орк.

– Нет, – твёрдо ответил Альберт. – Сначала мы должны убедиться, что ты справишься.

Орк выкатился из кузова и встал. От этого вся машина под Альбертом закачалась. Орк подошёл к двери и сунул своё уродливое лицо в окно, отчего Альберт отпрянул, вцепившись в холодильник.

– Я могу сам взять пиво, – сказал Орк. – Ты меня не остановишь.

– Да, ты можешь, – согласился Альберт. – Но ты пообещал Сэму.

Орк не сразу это переварил. Он был медленным и тупым, но не настолько тупым, чтобы не понять угрозу. Орк не хотел спутываться с Сэмом.

– Ладно. Показывайте, что там у вас за червяки.

Рыгнув, Орк потопал к краю поля. На нём была его обычная одежда: пара очень грубо сшитых шорт из мешковины. Альберт подумал, что их, наверное, сшил Говард для своего друга. Потому что ни штанов, ни шорт размера Орка в природе не существовало.

Говард задержал дыхание, когда Орк ступил на поле. Альберт сделал то же самое. Смерть Е. З. во всех своих омерзительных деталях стояла у него перед глазами.

Атака последовала незамедлительно.

Черви выползли из-под земли и с невероятной скоростью понеслись к каменным ступням Орка, а затем набросились на его нечеловеческую плоть.

Орк остановился. Разинув рот, он смотрел на этих тварей.

Потом Орк медленно со скрипом повернулся к Альберту и Говарду и сказал:

– Чутка щекотно.

– Дёргай капусту, – ободряюще крикнул ему Говард.

Орк наклонился, сунул свои каменные пальцы в землю и ухватился за кочан. С минуту он просто глазел на него, а потом выдернул и бросил к машине.

Альберт открыл дверь и осторожно склонился над кочаном. Сходить на землю он не стал. Рано. Сперва нужно убедиться.

– Говард, мне нужна палка или что-то вроде того, – сказал Альберт.

– Для чего?

– Хочу проткнуть капусту, убедиться, что внутри нет червей.

На поле черви продолжали атаковать каменного монстра, но только ломали зубы о его плоть. Орк сорвал ещё три кочана. Затем потопал обратно к машине.

Черви не последовали за ним. На кромке поля они отстали от Орка и скрылись под землёй.

– Пива мне, – потребовал Орк.

Альберт дал ему пива.

Он подумал: интересно, как там у Сэма дела с организацией полевых работ?

– Думаю, не очень, – пробормотал он вполголоса.

На самом деле решение проблемы еды было таким простым: фермам нужны фермеры. Фермерам нужна мотивация. Им надо платить. Как и всем остальным. Люди не работают только потому, что так надо: люди работают за деньги, за прибыль. Но Сэм и Астрид слишком глупы, чтобы это понять.

Нет, не глупы, поправил себя Альберт. Только благодаря Сэму они сейчас не во власти Кейна. Сэм – отличный парень. А Астрид, вероятно, самая умная девочка в УРОДЗ.

Но Альберт тоже умён, касательно некоторых аспектов. И он озаботился тем, чтобы обучиться самостоятельно, сидя в пыльной, тёмной городской библиотеке и читая книги, от которых глаза начинали слипаться.

– Скоро моему товарищу понадобится ещё пиво, – сказал Говард, зевая и прикрывая рот ладонью.

– Твой товарищ будет получать по банке за каждую сотню кочанов, – сказал Альберт.

Говард неодобрительно покосился на него.

– Чувак, ты ведёшь себя так, будто лично заплатил за каждую банку.

– Не-а, – возразил Альберт. – Это общественная собственность. Пока. Но цена та же: сотня кочанов за банку.

Следующие два часа Орк собирал капусту. И пил пиво. Говард играл в какую-то игру на планшете. Альберт размышлял.

Это Говард верно подметил: Альберт много думал с тех пор, как зашёл в заброшенный «МакДональдс» и начал жарить гамбургеры. Благодаря этому он завоевал себе хорошую репутацию в обществе. А организованное им пиршество на День благодарения, которое прошло без сучка без задоринки, сделало из него почти героя. Конечно, до Сэма ему было далеко, Сэм такой один. Альберт не сравнился бы даже с Эдилио, или с Брианной, или с кем-то ещё из героев той ужасной битвы между приспешниками Кейна и ребятами из Пердидо-Бич.

Но в тот момент Альберт не думал ни о чём таком. Он думал о туалетной бумаге и батарейках.

А потом Орк закричал.

Говард выпрямился. Выпрыгнул из машины.

Альберт замер.

Орк вопил, лупя себя по лицу, по той, ещё человеческой части лица.

Говард побежал к нему.

– Говард, нет! – заорал Альберт.

– Они его укусили, укусили, – надрывно кричал Говард.

Орк замахал руками, шатаясь, а потом побежал к грузовику; земля под его гигантскими ступнями дрожала.

Один из червей висел у него на лице.

Торчал из его лица.

Орк подбежал к краю поля и грузно упал на нейтральной территории.

– Помогите, Говард, помогите! – орал он.

Альберт сбросил оцепенение и побежал. Вблизи он разглядел червя, всего одного, но его чёрная змеиная голова вгрызалась в розовую плоть, пытаясь пробиться сквозь щеку Орка.

Оказавшись ещё ближе, Альберт увидел крохотные ножки, при помощи которых червь погружался всё глубже в изуродованную плоть.

Орк сжимал в кулаке хвост этой твари и тянул изо всех сил. Но червь не сдавался. Орк тянул так, что, казалось, вот-вот вырвет последний кусок плоти из каменной кожи.

Говард тоже ухватился за хвост и потащил. Плача и ругаясь, он тянул, несмотря на опасность для самого себя: если червь отпустит Орка, то может броситься на Говарда.

– Кусай его! – крикнул Альберт.

– Мой язык! – взвыл Орк. Слова прозвучали невнятно: червь погрузился внутрь щеки ещё на дюйм.

– Кусай, Орк, – кричал Альберт. Затем он присел и изо всех сил ударил Орка снизу вверх по подбородку.

Это было всё равно что бить по кирпичной стене.

Альберт закричал и упал на землю. Он был уверен, что сломал руку.

Крики Орка прекратились. Он открыл рот и выплюнул голову червя вместе с комком крови и слюны.

Остаток червя он выдернул из щеки. И расплющил о землю.

В лице Орка зияла дюймовая дыра.

Кровь текла по его шее и исчезала среди каменной плоти, словно капли дождя в засохшей глине.

– Ты меня ударил, – обиженно сказал Орк, глядя на Альберта.

– Братан тебе жизнь спас, – объяснил ему Говард. – Братан только что спас тебе жизнь.

– Кажется, я сломал руку, – сказал Альберт.

– Пива мне, – проревел Орк.

Говард бросился исполнять просьбу.

Орк запрокинул голову и сжал банку так, что она лопнула. Жёлтая жидкость брызнула во все стороны и потекла ему в рот.

Не меньше половины пива, вперемешку с розовой пеной, вытекло из кровавого отверстия в щеке.

Глава 10

81 час, 17 минут

– ОНА БЫЛА В МОЁМ СНЕ, в моей голове. Я видел её, – сказал Дрейк.

– Ты совсем потерял рассудок, а его и оставалось-то негусто, – сказала Диана.

Они сидели в столовой. Но никто не обедал. Еды в «Коутс» осталось всего несколько банок, и за них детям приходилось драться. Некоторые ребята варили траву и хлебали это варево, чтобы облегчить голодные спазмы желудка.

В гулком, заброшенном, полуразрушенном зале столовой собрались Кейн, Дрейк, Клоп, Диана и девочка, которая назвалась Орсе.

На взгляд Дианы, ей было лет двенадцать.

Диана заметила в глазах девочки нечто странное. Разумеется, в них читался страх, ведь Дрейк схватил её и не отпускал, пока Клоп не вернулся с электростанции. Но не только: эта девочка, Орсе, смотрела на Диану так, словно знала её.

Это был недобрый взгляд. От выражения её лица на затылке у Дианы зашевелились волосы.

– Я раньше никогда в жизни её не встречал, но увидел у себя во сне, – сказал Дрейк, с ненавистью разглядывая девочку. – А когда проснулся, заметил её: она сидела в засаде неподалёку.

Диане было непривычно находиться в одном помещении с Дрейком и при этом не быть основным объектом его ненависти.

– Окей, Дрейк, это мы поняли, – сказал Кейн. – Раньше, до того, как всё это началось, я бы сказал, что ты спятил. Но теперь? – он вяло махнул рукой в сторону Дианы. – Диана, прочитай её. Посмотрим.

Диана подошла к девочке и встала рядом; Орсе смотрела на неё огромными испуганными глазами.

– Не бойся. Меня, – уточнила Диана. – Мне просто нужно подержать тебя за руку.

– Что происходит? Почему никто ничего мне не говорит? Куда подевались все взрослые? Где ваши учителя? – голос у Орсе от природы слегка дрожал, поэтому казалось, будто она постоянно волнуется.

– Мы называем это УРОДЗ. «Улица Радиационных Осадков – Детская Зона», – объяснила Диана. – Ты же в курсе о том старом инциденте на атомной электростанции, да? Радиация?

– Эй, Кейн велел тебе прочитать её, а не давать уроки истории, – процедил Дрейк.

Диане хотелось возразить, но выражение лица Орсе, её взгляд, в котором смешивались ужас и жалость к Диане, сбивали с толку. Орсе словно знала что-то о Диане, как будто она доктор, который ещё не собрался с духом сообщить пациенту о смертельном диагнозе. Диана взяла руку Орсе.

Она мгновенно поняла, какой у девочки уровень силы. Вопрос был в том, стоит ли говорить Кейну правду. В мире Кейна существовало всего две возможные категории мутантов: те, кто должен беспрекословно ему подчиняться, и те, от кого необходимо избавиться.

Ну, у Орсе хотя бы не четыре деления. Иначе, Диана в этом почти не сомневалась, Кейн отдал бы её на растерзание Дрейку.

– Хорош тянуть, – прорычал Дрейк.

Диана отпустила руку девочки. Проигнорировав Дрейка, она обратилась к Кейну:

– У неё три деления.

Кейн шумно втянул воздух и откинулся на спинку стула. Он размышлял, что делать с перепуганной девчонкой.

– Расскажи мне о своей силе. Скажи мне правду, всю правду, и ты будешь в безопасности. А если солжёшь, я уже никогда не смогу тебе доверять.

Орсе подняла взгляд на Диану, словно та была ей другом.

– Делай, что он говорит, – сказала Диана.

Орсе сцепила пальцы. Девочка сидела, плотно сведя колени и так ссутулив плечи, что казалось, она хочет сжать и их.

– Всё началось где-то месяцев пять назад. Чаще всего это происходило ночью. Я думала, что схожу с ума. Я не понимала, откуда это берётся. В голову лезли какие-то картинки, иногда звуки, разговоры людей, вспыхивали образы лиц и местоположений. Иногда это длилось недолго, всего несколько секунд. Но иногда это продолжалось по полчаса: одно сменялось другим, какое-то безумие: людей кто-то преследует, люди падают, люди занимаются... ну, вы понимаете, сексом и всё такое.

Она смущённо опустила взгляд на переплетённые пальцы.

– Ага, мы поняли, ты у нас вся такая наивная и невинная, – ухмыльнулся Дрейк.

– Как ты поняла, что видишь сны других людей? – спросила Диана.

– Всё обычно начиналось по ночам, – сказала Орсе. – А однажды, тоже ночью, я очень отчётливо увидела во сне лицо одной женщины: такая милая, с рыжими волосами, знаете? Она приехала следующим утром. Я никогда раньше её не видела, не видела в реальности, только во сне её мужа. И тогда я всё поняла.

– Значит, ты всё это время жила в лесу? Тебе, наверное, было одиноко. – Кейн слегка улыбнулся своей очаровательной улыбкой, и это заставило девочку слегка расслабиться.

– Я привыкла к одиночеству, – сказала Орсе.

– Ты умеешь хранить секреты? – спросила Диана. Она сказала это небрежно, но при этом смотрела Орсе прямо в глаза, надеясь, что та поймёт намёк, поймёт, какая ей грозит опасность.

Орсе моргнула. Она хотела что-то сказать, потом моргнула снова.

– Я никогда никому не рассказывала о том, что видела, – сказала Орсе.

– Интересный вопрос, Диана, – заметил Кейн.

Диана пожала плечами.

– Хороший разведчик не должен быть болтливым.

Кейн не сразу сообразил, и Диана быстро продолжила:

– В смысле, я подумала, что ты этого хочешь. У нас есть Клоп, который может незаметно куда-нибудь пробраться и, может быть, подслушать разговоры. Но Орсе-то в прямом смысле умеет залезать людям в головы. – Выражение лица Кейна осталось скептическим, и Диана добавила: – Мне было бы интересно узнать, что снится Сэму.

– Ни за что, – сказал Дрейк. – Нет. Ты же слышала, она видит сны всех, кто находится поблизости. А значит, она может залезть и в наши головы. Ни за что.

– Сомневаюсь, что она захочет увидеть хоть какие-то из твоих снов, Дрейк, – сказала Диана.

Дрейк расправил руку и стремительно обернул её вокруг Орсе, которая вскрикнула и замерла.

– Я её привёл. Она моя. И я решу, что с ней делать.

– И что же ты хочешь с ней сделать? – спросила Диана.

Дрейк расплылся в улыбке.

– Не знаю. Может, сварю её и съем. Мясо есть мясо, так ведь?

Диана покосилась на Кейна в надежде увидеть на его лице отвращение, какое-то доказательство того, что Дрейк зашёл слишком далеко. Но Кейн только кивнул, словно обдумывая заявление Дрейка.

– Давайте сначала выясним, какой у неё охват, ага? Орсе, на каком расстоянии от спящего ты способна видеть его сны?

Орсе пробормотала ответ, дрожа от страха:

– Ну, примерно... ну... как от станции рейнджеров до ближайшей части первого палаточного лагеря.

– И сколько это?

Девочка попыталась пожать плечами, но Дрейк сжимал её, словно питон, с каждым выдохом всё крепче стягивая кольца.

– Где-то двести футов, – прохрипела Орсе.

– Хижина Моуза, – сказала Диана. – От неё до кампуса расстояние вдвое больше.

– Я сказал, нет, – угрожающе проговорил Дрейк. – Она залезла в мою голову.

– Мы и так знаем, что у тебя там выгребная яма, – сказала Диана.

– Это не круто, Кейн, – сказал Дрейк. – Ты у меня в долгу. Я нужен тебе. Не зли меня.

– Не злить тебя? – эхом повторил Кейн. Это было уже слишком.

Кейн вскочил, и стул, на котором от сидел, повалился на пол. Он вскинул обе руки ладонями вперёд.

– Ты правда хочешь тягаться со мной, Дрейк? Я сделаю твоей тушей дыру в стене ещё до того, как ты успеешь отпустить эту девчонку.

Дрейк вздрогнул. Он хотел ответить, но у него не было ни единого шанса. Кейн за долю секунды из спокойного парня превратился в сумасшедшего.

– Ты тупой ублюдок, – неистовствовал Кейн. – Думаешь, ты сможешь сместить меня? Думаешь, избавившись от меня, ты сумеешь сунуться к Сэму и остальным и победить их? Да ты даже с Орком справиться не можешь! Ты – пустое место! – Кейн кричал, брызжа слюной, но даже его губы двигались недостаточно быстро, чтобы выместить всю скопившуюся внутри злобу.

В каменном лице Дрейка не осталось ни кровинки. Его глаза горели бешенством, рука трепетала, словно вышла из-под контроля. Казалось, он вот-вот захлебнётся собственной яростью.

– Я тут мозг! – орал Кейн. – Я! Я мозг и сила, истинная сила, четыре деления, ни у кого столько нет. Я такой один. Я! А ты думал, почему Мрак держал меня у себя трое суток? Почему... почему он до сих пор в моей... в моей...

Голос Кейна резко переменялся. На секунду ярость сменилась всхлипами. Он заметил это и взял себя в руки, с трудом сглотнув. Казалось, ему стало тяжело держаться на ногах, и он потянулся к спинке стула, чтобы не упасть.

И тут Кейн увидел по глазам Дианы, что она не так уж ему и сочувствует, а на лице Дрейка, вне всяких сомнений, читался холодный акульи́й триумф.

Кейн испустил бессвязный, безумный рык. Он вытянул руки, целясь по обе стороны от Дрейка.

Раздался оглушительный грохот, камни треснули, и пол подскочил вверх на гейзере обломков и комьев земли.

Столб камней и обломков взлетел и ударился в и без того повреждённый высокий потолок, а затем каменный град посыпался вниз, по мере того как вой Кейна стихал.

Воцарилась тишина, не считая фальшивого, неблагозвучного грохота падающих камней.

Кейн стоял с отрешённым видом. Совершенно отрешённым.

Пауза затянулась. Но никто не смел нарушить тишину. И вдруг словно кто-то повернул выключатель – и на лице Кейна снова появилось человеческое выражение. Он хищно улыбнулся.

– Эта девчонка может нам пригодиться, Дрейк, – спокойно сказал он. Затем обратился напрямую к Орсе. – Ведь согласишься, не так ли? Мы можем тебя использовать? Ты сделаешь то, что я тебе велю? Ты станешь подчиняться мне и только мне?

Орсе попыталась ответить, но не смогла выдать даже шёпота. И решительно закивала.

– Хорошо. Потому что, если я хоть на секунду усомнюсь в тебе, Орсе, я отдам тебя Дрейку. А ты этого не хочешь.

Кейн, совершенно измотанный, упал на стул. Не проронив больше ни слова, он встал и, шатаясь, поплёлся к выходу.

* * *

Лана потрепала пса по покрытой густой шерстью шее.

– Готов?

Патрик едва слышно закусил, что на его языке значило: «Давай, пора начинать».

Лана встала и проверила липучку, благодаря которой айпод держался на предплечье. Убедилась, что большие ярко-жёлтые наушники на месте: стандартные наушники-капли были слишком велики для её ушей.

Она включила свой «беговой» плейлист. Но, разумеется, бегать она не собиралась. Бег сделает голод совсем невыносимым. Лана перешла на ходьбу. И сократила дистанцию.

В прежние времена, до УРОДЗ, она вообще не бегала. Но теперь многое изменилось. После того, как побродишь по пустыне без капли воды и без карты, а потом наткнёшься на резвую стаю койотов, волей-неволей задумаешься, что надо держать себя в форме.

Начинать ей нравилось в тишине. Было здорово слышать собственные шаги в кроссовках, почти беззвучные на покрытом ковролином полу гостиницы. И приятно громкие по асфальту.

Начинала она от главного входа в «Вершины». Дверь была автоматическая, система всё ещё работала. Хотя и прошло уже столько времени, до сих пор казалось странным, как дверные сенсоры терпеливо ждут сигнала о том, что нужно открыть выход во внешний мир.

От «Вершин» Лана спускалась к городскому пляжу. Потом срезала путь через город, стараясь держаться подальше от площади, затем выходила на автостраду и завершала круг, возвращаясь в «Вершины». Если только у неё ещё оставались силы. Иначе она останавливалась на этом.

Она знала, что вряд ли сейчас стоит сжигать лишние калории. Но не могла заставить себя прекратить. Остановиться, валяться целыми днями в постели означало сдаться. Лане эта идея не нравилась. Она не сдалась ни боли, ни Вожаку, ни Мраку.

«Я никому не сдаюсь», – повторяла она себе.

Иди ко мне. Ты мне нужна.

Когда подъездная дорога к «Вершинам» осталась позади и Лана стала спускаться вниз по склону, она прикоснулась сенсорному экрану айпода – и в её ушах зазвучала песня «Death Cab for Cutie».

Но в голове у неё засели другие слова, они, словно шёпот, звучали поверх текста песни.

Лана прошла всего ярдов сто, когда впереди показались двое детишек, размахивавших руками, чтобы привлечь её внимание.

Ребята показались ей вполне здоровыми. Она махнула им рукой, решив, что этого будет достаточно.

Но двое мальчишек преградили ей путь. Лана остановилась, слегка запыхавшись, хотя дыхание не должно было сбиться, и сняла с головы наушники.

– Что? – резко спросила она.

Дети помялись и помычали, прежде чем выпалить:

– У Джоуи зуб шатается.

– И что? Потом вырастет новый.

– Но больно же. Ты должна лечить то, что болит.

– Должна? – эхом переспросила Лана. – Слушайте, детишки, вот будете истекать кровью, тогда можете донимать меня. Я тут не для того, чтобы лечить всех, у кого голова побаливает, зуб шатается или коленки ободраны.

– А ты вредная, – сказал мальчик.

– Да. Я вредная. – Лана водрузила наушники на место и пошла дальше, злясь на детей и ещё больше – на себя, за то, что повысила на них голос. Но дети повсюду следовали за ней. Они мешали ей обедать. Донимали её, когда она спокойно сидела на балконе и читала книжку. Колотились в дверь, пока она сидела в туалете.

И почти никогда у них не было серьёзных проблем, требующих чудесного вмешательства. А Лана всё больше убеждалась, что её дар – это чудо. Лучшего объяснения ни у кого не нашлось.

А чудеса не следует транжирить впустую.

Как бы то ни было, у неё оставалось право на личную жизнь. Лана им всем в слуги не занималась. Она принадлежала только себе.

Иди ко мне.

Лана прикусила губу. Она пыталась игнорировать его, этот голос, галлюцинацию – что бы это ни было.

Просто не обращай внимания.

Прибавила громкость.

По мере приближения к городу она сменила направление и стала отдаляться от пляжа. Может быть, стоит подольше побродить по улицам. Может, если она изменит маршрут, её станет труднее вычислить.

Но пока Лана придерживалась той же дороги: поднималась вверх по холму, назад к «Вершинам». К стене УРОДЗ. Она никогда не касалась стены, только подходила к ней очень близко и останавливалась, задыхаясь, вспотев и хватаясь за бок, в котором, как всегда, кололо.

Лане было необходимо ежедневно видеть этот барьер вблизи. Для неё это было чем-то вроде ритуала. Краеугольный камень. Напоминание о том, что она находится здесь и сейчас. Прошное уже не важно – теперь она другой человек. Она попала в ловушку этого места, этой жизни. Это не её выбор: за неё выбрала стена.

Иди ко мне. Ты мне нужна.

– Ты не настоящий, – крикнула Лана.

Но голос был настоящим. Она знала это. Знала его. Знала, откуда исходит этот голос.

Лана понимала, что нельзя заставить этот внутренний голос замолчать. Единственным способом заглушить его было заглушить его навсегда. Она может стать его жертвой – или наоборот.

Безумие. Суицидальное безумие. Лана промотала длинную песню и включила кое-что пободрее. Кое-что достаточно громкое, чтобы заглушить сумасшедшие мысли.

Она зашагала решительнее, быстрее, едва не переходя на бег, размахивая руками и заставляя Патрика бежать вприпрыжку, чтобы не отставать. Но и этой скорости было недостаточно, чтобы оторваться от грузовика, который стремительно приближался, гудя на ходу.

Лана снова сорвала с головы наушники и крикнула:

– Чего?

Но на этот раз дело было не в шатающемся зубе или ободранных коленках.

На дорогу выскочили Альберт с Говардом. Говард помог Орку вылезть из кузова. Мальчик... существо... шаталось, будто пьяное. Наверное, он и правда пьян, решила Лана. Но, опять же, у него явно был весомый повод напиться.

В одной из немногих оставшихся человеческих его частей – в щеке – зияла дыра. Щека и шея были покрыты коркой засохшей крови. Кровь посвежее, красная, продолжала сочиться из щеки и капать на шею.

– Что случилось? – спросила Лана.

– Черви напали, – объяснил Говард. Он разрывался между лёгкой паникой и чувством облегчения от того, что, наконец, отыскал Целительницу. Он придерживал Орка под локоть, словно гиганту нужна была его тщедушная помощь.

– Червь проник внутрь? – с опаской уточнила Лана.

– Нет, червь у нас, – заверил её Альберт. – Мы просто надеялись, что ты ему поможешь.

– Не надо мне больше никаких камней, – добавил Орк.

Лана всё поняла. Раньше Орк был обыкновенным хулиганом, лишённым всяческой сверхъестественной силы, пока на него в пустыне не напали койоты. Его сильно искромсали. Очень сильно. Он пострадал даже сильнее, чем в своё время Лана. И в тех местах, где его покусали, кожа Орка покрылась камнем, сделав его практически неуязвимым.

Ему не хотелось терять то, что осталось от его человеческого тела: клочок розовой кожи, рот и часть шеи.

Лана кивнула.

– Ты должен перестать раскачиваться, Орк. Я не хочу, чтобы ты рухнул на меня, – сказала она. – Садись на землю.

Орк сел слишком резко и от этого хохотнул.

Лана приложила ладонь к отвратительной дыре.

– Не надо мне больше никаких камней, – повторил Орк.

Кровь остановилась почти моментально.

– А боль ты чувствуешь? – спросила Лана. – Я о камнях. Рана-то болит, это я и так знаю.

– Нет. Не больно. – Орк треснул кулаком одной руки по предплечью другой с такой силой, что нормальная человеческая рука бы не выдержала. – Почти ничего не чувствую. Даже кнут Дрейка, когда мы дрались, я почти не чувствовал.

Вдруг он расплакался. Слезы покатались из человеческих глаз и потекли по щекам, теряясь среди камней.

– Ничем не чувствую, кроме вот... – он ткнул толстым каменным пальцем в кусок плоти на лице.

– Ясно, – сказала Лана. От раздражения ничего не осталось. Быть может, Орку тяжелее, чем ей.

Лана отняла руку, чтобы посмотреть, как идёт процесс. Дыра уменьшилась. Она всё ещё была покрыта засохшей кровью, но кровотечение остановилось.

Целительница положила руку назад.

– Ещё пара минут, Орк.

– Меня зовут Чарльз, – сказал Орк.

– Правда?

– Правда, – подтвердил Говард.

– А что вы там делали, на червивом поле? – спросила Лана.

Говард с сомнением посмотрел на Альберта, и тот ответил:

– Орк собирал капусту.

– Чарльз Мерримен, – повторил Орк. – Можно меня иногда и по имени звать.

Взгляды Говарда и Ланы встретились.

Теперь, подумала Лана, Орк хочет вернуть своё старое имя. Задира, который называл себя именем монстра, превратился в монстра на самом деле, и теперь хочет, чтобы его звали Чарльзом.

– Вот и всё, – объявила Лана.

– Кожа-то на месте? – спросил Орк.

– На месте, – заверила его Лана. – Человеческая.

Она взяла Альберта за руку и оттащила в сторону.

– О чём вы думали, когда посылали его на это поле?

Альберт непонимающе смотрел на неё. Он не ожидал упрёков в свой адрес. На мгновение Лане показалось, что он ей ответит грубостью. Но прошла секунда, Альберт слегка обмяк, словно сдулся.

– Я просто пытаюсь помочь, – сказал он.

– Накачивая его пивом?

– Я плачу ему за работу тем, что он сам хочет, и Сэм не против. Ты же была на собрании, – сказал Альберт. – Слушай, как, по-твоему, ещё можно заставить такого типа как Орк горбатиться часами под палящим солнцем? Астрид, похоже, думает, что люди будут работать за спасибо. Может, некоторые и будут. Но Орк?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.